КТО БЫЛЪ
ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. КОСТОМАРОВА.

Вообще въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія смотря по обстоятельствамъ.

Соловьевъ. Ист. Рос. IX, 23.

В. Я.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И К°.
1864

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 сентября 1864 года.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

У насъ общепринятое мнѣніе о самозванцѣ, царствовавшемъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича, есть то, что онъ былъ чернецъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе считалось и считается у насъ какъ бы доказаннымъ окончательно. Историкъ смутнаго времени Бутурлинъ выразился такъ: «первымъ Лжедимитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ, и противорѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины единственно чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники». (Ист. См. Вр. 1, 278). Между тѣмъ, до сихъ поръ остались не разобранными, неизслѣдованными и неповѣренными мѣста изъ источниковъ, на которыхъ основывается это мнѣніе.

Наши лѣтописныя сказанія и большая часть иностранныхъ источниковъ о смутной эпохѣ составлены уже впослѣдствіи, а потому оцѣнка взгляда ихъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу. Они считали загадочное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ или другимъ, на основаніи такого или иного образовавшагося мнѣнія, и потому важнѣе всего добраться, какъ эти мнѣнія сложились и откуда получили начало.

Самозванецъ, какъ мы докажемъ впослѣдствіи, появился въ Польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 годахъ, а первыя заявленія о томъ, что онъ—Гришка Отрепьевъ, явились въ 1604 году, и

положительно—только къ концу этого года. Первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него были двѣ грамоты отъ пограничныхъ Черниговскихъ воеводъ: одна отъ князя Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Дмитріемъ былъ бѣглый чернецъ; но онъ не называется Гришкою (*Suppl. ad Hist. Russ. monum.* 410).

Изъ сношенія нашихъ бояръ съ Польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 году они посылали для обличенія самозванца дядю Гришки Отрепьева — Смирного-Отрепьева къ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ; но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объясняли, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами: одна была къ воеводѣ Виленскому съ жалобою, что не посланы судьи со стороны короля для разбора дѣлъ о грабежахъ и пограничныхъ недоразумѣніяхъ, и другая — къ Литовскому канцлеру о томъ, что, вопреки прежнимъ обычаямъ, берутъ съ московскихъ купцовъ новые поборы. О личности же Димитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказался чѣмъ онъ былъ посланъ — посланникомъ или гонцемъ, какъ всегда дѣлалось; а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя. «Какъ же можно,—говорили поляки,—чтобъ Смирной, съ такими грамотами присланный о другихъ совершенно дѣлахъ, могъ домогаться очной ставки съ Димитріемъ, котораго вы называете сыномъ его брата! Если жь бы онъ и домогался, то нельзя было ему повѣрить, когда въ грамотѣ объ немъ не написано. Сверхъ того вы сами говорите, что посылали Смирного тогда уже, когда воръ пошелъ въ Сѣверскую землю; то какъ же вамъ было искать его въ чужомъ государствѣ? Еслибы вы хотѣли добра вашему царю Борису, то слѣдовало бы, какъ только вѣсть разнеслась о ворѣ, тотчасъ же снестись съ королемъ и съ сенаторами, писать объ этомъ съ точностію и представить очевидное свидѣтельство; а то

вы прислали Смирного съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоющихъ какихъ-нибудь нѣсколько рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручали ему ни слова».

Эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что панамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Еслибъ Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и слѣдовательно—нечего было бы запираться, что не знали такого порученія. Притомъ же они не запирались, что Постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть—и въ одно время пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Димитріи. И почему же по таковому важному государственному дѣлу Смирного-Отрепьева посылали московскіе бояре къ польскимъ панамъ, а не московскій государь къ польскому королю?

Постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объясняли боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотой отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но между прочимъ грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Димитріемъ Углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинные города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ-какъ этотъ человѣкъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать. (*Дѣла Арх. Ин. Д. №№ 26, 27. Suppl. ad Hist. Russ. mon. 418*).

Въ то же время въ Разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (слѣдовательно—въ первый разъ царь узналъ), что нашелся въ Литвѣ воръ, который называется Димитріемъ Углицкимъ». И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ, сбѣжавшій въ 1603 году (111) въ Сѣверскую землю съ чернецомъ Мисаиломъ Повадинымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разболѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что

онъ царевичъ Димитрій и ходитъ непостриженъ въ искусѣ, избѣгая царя Бориса. Игуменъ сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказалъ королю.

Бояре, въ сношеніяхъ своихъ съ польскими послами, уже послѣ убіенія Лжедимитрія, ссылались еще на то, что патріархъ посылалъ къ воеводѣ кіевскому, князю Острожскому, сына боярскаго Аѳанасія Пальчикова извѣстить, что называвшій себя Димитріемъ и проживавшій въ его воеводствѣ—бѣглый монахъ-чернокнижникъ, и просилъ выдать его. Острожскій, признавая бѣглеца истиннымъ царевичемъ, не только не выдалъ, но задержалъ Пальчикова, а сынъ Острожскаго Янушъ томилъ его въ оковахъ долгое время, также признавая бродягу царевичемъ. На это извѣстіе поляки отвѣчали, что не знаютъ ничего о такомъ посольствѣ. Замѣтить слѣдуетъ, что и Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ не мирволили самозванцу. Въ дневникѣ Борша (*Рукоп. Библ. Генер. Штаба*), бывшаго въ первомъ полчищѣ, съ которымъ претендентъ двинулся изъ Украины въ московскія владѣнія, говорится, что они боялись даже, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ вооруженною силою, а на переправѣ черезъ Днѣпръ Острожскій велѣлъ угнать прочь всѣ суда и паромы. Отъ князя Януша сохранилось того времени письмо (*въ Дѣл. Литовск. Метр.*), гдѣ онъ вовсе не одобряетъ намѣреній помогать Димитрію и не считаетъ его истиннымъ царевичемъ. Потому нельзя повѣрить, чтобы Острожскіе задержали гонца патріархова, признавая самозванца настоящимъ царевичемъ.

Существуетъ въ спискѣ напечатанный на 164 страницѣ II-го тома Румянцовскихъ грамотъ приговоръ о высылкѣ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ на службу, надписанный числомъ 12 іюня 1604 года. Тамъ Гришка Отрепьевъ упомянутъ по имени, но число и мѣсяцъ, означенные на приговорѣ, какъ и время его составленія, невѣрны, ибо тамъ говорится о вступленіи самозванца въ Московское государство тогда, когда онъ еще не вступалъ.

Этотъ приговоръ могъ состояться уже послѣ половины августа 1604 года.

Если исключить сомнительныя посольства Смирного и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ Постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (*) видны шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не дозволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Бориса. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человѣкъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патріархъ въ январѣ 1605 года разсылаетъ грамоту (А. Э. II, 78), гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но разсказываетъ подробно его похожденія. «Этотъ человѣкъ звался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ какое-то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ чернцы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патріарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Михаиломъ Повадинымъ».

До сихъ поръ патріархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно:

---

*) Приговоръ напечатанъ въ Собр. Госуд. Гр. II, 164, іюня 12, вѣроятно въ ошибочномъ спискѣ. Тамъ опредѣляется клясть Отрепьева, тогда какъ грамота о проклятіи была выдана уже въ январѣ 1605 года.

1) Чернеца Пимена, постриженника Смоленскаго монастыря.

2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.

3) Стефана иконника, ярославца, торговавшаго въ Кіевѣ иконами.

Пименъ говоритъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, — Григорій былъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ; а Пименъ проводилъ ихъ за рубежъ въ Литовскую землю, а самъ воротился назадъ въ Московское государство.

Венедиктъ былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ и тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ и у князя Острожскаго, воеводы кіевскаго: Гришка служилъ въ дьяконскомъ чинѣ. Потомъ Гришка уклонился къ люторамъ, впалъ въ ересь и чернокнижіе, сталъ ѣсть мясо, связался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену, и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ ко князю Адаму Вишневецкому.

Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: онъ приходилъ къ нему въ лавку съ запорожцами, тогда онъ дьяконилъ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ и у князя Острожскаго.

Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Углицкимъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Патріарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка Отрепьевъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патріархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. Затѣмъ три его свидѣтеля что говорятъ? Первый вовсе не обвиняетъ Гришки въ самозванствѣ. Остаются другіе два. Но если дать имъ довѣріе какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ

единственно то, что Гришка жилъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и велъ себя дурно. Это они говорятъ какъ очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ къ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ Иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого произшествія. Они не могутъ доказать, что именно Гришка, а не другой кто либо назвалъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго, какъ равно не показываютъ—откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно къ Вишневецкому. Венедиктъ и Стефанъ не послѣдовали за Гришкой, оставались въ Кіевѣ; Гришка также не сказалъ имъ, что пойдетъ къ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за нимъ изъ монастыря посылали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то безъ сомнѣнія не открывалъ ему, куда онъ убѣжитъ. Слѣдовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ Иконникъ могли услышать, что проявился называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и, вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужь не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патріархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами: *которые товарищи его воры въ Литву за рубежъ его проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литвѣ съ нимъ знались.* Если они воры, то есть преступники, то, слѣдовательно, могли ждать за *воровство* свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть. Такимъ дѣломъ и было—сообщить правительству вѣсти, которыя были для него необходимы; а въ то время имѣть болѣе или менѣе вѣроятныя свѣдѣнія, подтверждающія, что самозванецъ—Гришка Отрепьевъ, было дѣломъ первой важности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходившія прямо отъ патріарха и

другихъ важныхъ лицъ разнорѣчатъ между собою и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и, избѣгая ее, постригся въ монахи. А въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ, что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Это измѣненіе противъ прежняго извѣстія, конечно, сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы болѣе уронить самозванца и оправдывать требованіе выдачи его. Въ Соборной грамотѣ ко князю Острожскому (*Доп.* I, 255) говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываньи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ Іовъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; а въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ— смыслъ выходитъ такой, что Гришка прежде поступленія во дворъ къ патріарху былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ: *и былъ по многимъ монастыремъ и въ Чудовѣ во дьяконѣхъ, да у меня Іева патріарха во дворѣ для книжнаго письма побылъ во дьяконѣхъ же*. На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но во первыхъ, если бъ патріархъ его ставилъ, то конечно въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безъименныхъ многихъ монастырей, здѣсь же изображается,

что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Если же предположить, что Гришка былъ во многихъ монастыряхъ не дьякономъ, а пришедши въ Чудовъ получилъ дьяконство, то этому противорѣчитъ складъ рѣчи: тогда патріархъ или употребилъ бы два раза слово *былъ* (*и въ Чудовѣ былъ въ дьяконахъ*), или, по крайней мѣрѣ, сказалъ бы: *а въ Чудовѣ*, тогда какъ одинъ глаголъ для *многихъ* монастырей и для Чудова, равнымъ образомъ союзъ *и* показываютъ, что пребываніе Гришки принимается одинаковымъ, какъ въ многихъ монастыряхъ, такъ и въ Чудовомъ. Во вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставлялъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣстить народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впослѣдствіи Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе.

Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ наложенной имъ на него клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство (А. Э. 11, 153): *Научи его* (діаволъ) *преже отступити отъ Творца нашего Бога и попрати иноческій святолѣпный образъ и дьяконьскій чинъ, потомъ же вложи въ него злохитрый ядъ и бѣсовскій плевелъ всѣявъ и злобу лукавства своего вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому, той прежереченный врагъ Божій розстрига Гришка Отрепьевъ, избѣжавъ отъ Російского государства въ Литовскую землю,* и проч. Потомъ въ другомъ мѣстѣ той же грамоты: *про розстригу извѣщали подлинно, какъ онъ*

повергъ иноческій и дьяконскій чинъ и какъ избѣжалъ изъ Російского государства въ Литовскую землю. Здѣсь патріархъ какъ-будто противорѣчитъ прежней своей грамотѣ, на которую тутъ же ссылается. Положимъ, что выраженіе *попрати иноческій образъ* можно принимать за риторическій способъ, что здѣсь смыслъ: Гришка сталъ жить недостойно иноческаго сана; но слово *повергъ* прямѣе выражаетъ тотъ смыслъ, что Гришка снялъ съ себя иноческій санъ, прежде бѣгства въ польскія владѣнія, ибо выраженіе повергнуть, свергнуть санъ употреблялось у насъ не въ общемъ смыслѣ поступковъ, достойныхъ лишенія сана, а именно въ смыслѣ дѣйствительнаго снятія съ себя сана. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было, чтобъ Гришка снялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ, напротивъ въ Кіевѣ еще ходилъ въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ оффиціальныхъ актахъ, относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а изображали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха въ 1605 году грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщилъ имъ Іовъ, и безъ всякаго сомнѣнія русскіе архіереи не имѣли тогда иного источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита Новгородскаго (А. Э. II, 81), говорится о Стефанѣ Иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Вишневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался царевичемъ Димитріемъ; а въ окружной грамотѣ патріарха не говорится, чтобы Стефанъ его видѣлъ у Адама Вишневецкаго, а все знакомство его съ

Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лавкѣ. Откуда же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита прибавка, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣнность, ибо въ патріаршей грамотѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностію. Сверхъ того въ окружной грамотѣ патріарха, въ показаніи Венедикта, говорится, что Гришка присталъ къ Лютарамъ, а у Исидора это обстоятельство упускается, за то говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Извѣстія эти слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Димитріемъ, представленъ былъ народу не безъименнымъ воромъ, но съ какимъ-нибудь положительнымъ именемъ; ибо это лицо оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то все таки—кто же онъ? спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ: кто онъ? Для вліянія на народъ, рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написали крестоцѣловальную запись, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго опредѣленнаго имени, а выразились о самозванцѣ какъ о неизвѣстномъ ворѣ, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ листѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть назвавшійся Димитріемъ, то патріархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для книжнаго письма и бѣжавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патріархъ запутался въ своихъ грамотахъ, и въ одной изъ

нихъ обвиняетъ Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до пострижения въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говоритъ, что Гришка, уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь.

Какъ сторонникъ Бориса, патріархъ могъ и долженъ былъ изъ видовъ политики прибѣгать ко всевозможнѣйшимъ выдумкамъ, чтобъ спасать престолъ своего покровителя. Патріархъ уже прежде доказывалъ, что готовъ былъ жертвовать истиною политическимъ видамъ Бориса. Проводя на царство Бориса, патріархъ употреблялъ всевозможныя уловки, очень недобросовѣстныя. Теперь для того, чтобы удержать Бориса на царствѣ въ критическое время, патріарху Іову было извинительно назвать неизвѣстное лицо извѣстнымъ именемъ бѣжавшаго бродяги; тѣмъ-болѣе что онъ самъ, если не былъ увѣренъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, то, по своимъ соображеніямъ и догадкамъ, считалъ это возможнымъ.

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что́ утверждало всенародно,—будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій

Димитрій. Имѣлъ ли право на престолъ Димитрій, или не имѣлъ, для Бориса должно было быть все равно, если только онъ былъ увѣренъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, Поляки, впослѣдствіи, придирались къ этой оговоркѣ и доказывали русскимъ, что Борисъ самъ незналъ навѣрное, что назвавшій себя царевичемъ былъ дѣйствительно бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Подобное невѣдѣніе, кто именно былъ самозванецъ, проглядываетъ въ упомянутой нами выше крестоцѣловальной записи на вѣрность Ѳеодору Борисовичу, гдѣ сказано: *и того вора, что называется Димитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти нехотѣти* (Собр. Гос. гр. II, 192). Объ этомъ ворѣ нѣсколько разъ упоминается въ этой грамотѣ, и все безъименно. Не доказываетъ ли это того, что, признавая называвшаго себя Димитріемъ воромъ-обманщикомъ, неувѣрены были, точно ли это Гришка Отрепьевъ? По крайней мѣрѣ современники, не хотѣвшіе присягать по этой крестоцѣловальной записи, такъ понимали смыслъ этого неопредѣлительнаго выраженія. Самое то обстоятельство, что войско, до сихъ поръ воевавшее за Годуновыхъ противу претендента, не хотѣло болѣе воевать за нихъ съ той минуты, когда того, съ кѣмъ они боролись, правительство не назвало именемъ Гришки, показываетъ, какъ слабы казались русскому уму доказательства, что тогдашній Димитрій и Гришка Отрепьевъ одно и тоже лицо.

Пущенная Борисовымъ правительствомъ мысль, что бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепьевъ, служила однако предлогомъ для враговъ Димитрія во время его царствованія. Чуть только кто былъ недоволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою. Это было естественно послѣ того, какъ уже по всей Московщинѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева. Авраамій Палицынъ характеризуетъ такъ царствованіе Лжедимитрія: «отъ злыхъ же враговъ, козаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи несмѣюще: аще бо на кого нанесутъ, яко рострига нарицаетъ кто, и той человѣкъ безвѣстно

погибаетъ» (стр. 27). Такіе случаи (если только здѣсь не преувеличеніе, какъ вообще все, что разсказывали о дурныхъ сторонахъ Лжедимитрія) не разъясняютъ ничего въ вопросѣ о Гришкѣ, ибо обвиненіе было уже изготовлено и распространено самымъ удобнымъ способомъ, посредствомъ патріаршей грамоты. Не принятое всенародной громадой въ Московскомъ государствѣ, оно осталось въ народной памяти, и тотчасъ представлялось готовымъ браннымъ эпитетомъ для того, кто разсердится на царя. Важнѣе было бы свидѣтельство того же Авраамія, будто самозванца обличали Отрепьевымъ мать Отрепьева Варвара, его дядя и его братъ. Но объ этомъ только и говоритъ одинъ Аврамій Палицынъ, тогда какъ всѣ самые враждебные самозванцу лѣтописцы и оффиціальныя извѣстія не упоминаютъ объ этомъ ничего; тогда какъ это было бы самымъ важнѣйшимъ укоромъ ему въ самозванствѣ. Нельзя предположить, чтобы тѣ, которые сколько возможно болѣе могли очернить самозванца, упустили такое важное обстоятельство. Несообразность этого извѣстія усиливается еще болѣе отъ того, что Авраамій говоритъ, будто это обличеніе произошло до суда надъ Шуйскимъ. Судъ произошелъ чрезъ нѣсколько дней послѣ Димитріева воцаренія. Слѣдовательно, обличеніе Отрепьева его семьею происходило бы тотчасъ по вступленіи самозванца въ Москву: это было до того поразительно, что не могло оставаться никѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ одного человѣка, и то писавшаго исторію много лѣтъ спустя послѣ того какъ происходило то, что онъ описывалъ. Сверхъ того, еслибъ такъ было, возможно ли чтобъ Шуйскій, по вступленіи своемъ на престолъ, упустилъ это обстоятельство, когда оно болѣе чѣмъ что-нибудь другое могло обличать бывшаго царя въ самозванствѣ? Не смѣшалъ ли здѣсь Авраамій Палицынъ того обличенія, которое происходило по убіеніи самозванца и о которомъ говоритъ Голландецъ, бывшій тогда во Москвѣ?

Кромѣ обличеній въ самозванствѣ, приписываемыхъ матери, дядѣ и брату Гришки, разсказываютъ еще и о другихъ, а именно:

Дворянинъ Петръ Тургеневъ обличалъ царя Димитрія, что онъ не истинный сынъ Ивана Грознаго, но говорилъ ли при этомъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, неизвѣстно. Ему отрубили голову. Объ этомъ событіи говоритъ Авраамій Палицынъ; упоминаетъ о томъ же и Никоновская лѣтопись. Двойное свидѣтельство заслуживаетъ вѣроятія. Авраамій говоритъ, что это произшествіе случилось прежде дѣла Шуйскаго. Спасеніе Шуйскаго приписывали ходатайству поляка реформата Бучинскаго, но самъ Бучинскій говоритъ (*Собр. гос. гр.* II. 261), что онъ, напротивъ, совѣтовалъ не миловать Шуйскихъ, а Димитрій сказалъ, что онъ далъ обѣтъ отнюдь не проливать крови, и по своему обѣту милуетъ Шуйскаго. Самозванецъ долженъ былъ бы избрать другой мотивъ для своего милосердія, еслибъ дни за два или за три происходила уже подобная казнь. Отъ этого вѣроятно, что казнь Тургенева произошла еще до пріѣзда самозванца въ Москву, но когда уже народъ московскій присягнулъ ему, и хотя быть можетъ онъ самъ, находясь въ Тулѣ или Серпуховѣ, соизволилъ на то, но такъ-какъ это было еще до его пріѣзда, то послѣ того онъ могъ показывать видъ, что это случилось еще до него, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, далъ обѣтъ, что казней не будетъ.

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ, по извѣстію Авраамія, былъ казненъ Ѳедоръ калачникъ, который называлъ Димитрія посланнымъ *отъ сатаны*; но называлъ ли онъ его при этомъ Гришкою разстригою — неизвѣстно (*Авраам.* 14). Впрочемъ, еслибъ называлъ, то подобное обличеніе, какъ и обличеніе Тургенева, могло быть послѣдствіемъ заявленныхъ отъ Бориса и Патріарха Іова обвиненій, безъ новыхъ доказательствъ.

Важнѣе всего было бы для насъ дѣло Василія Ивановича Шуйскаго, еслибъ мы знали о немъ подробнѣе. Всѣ почти историческіе источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедимитрія, согласны въ томъ, что Шуйскихъ судили, приговорили Василія къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкою, наравнѣ съ его брать-

ями, а чрезъ нѣсколько времени принялъ его и всю родню его снова въ милость. Въ повѣствованіи, вошедшемъ въ Никоновскій сборникъ, говорится, что Шуйскіе, видя на православную вѣру гоненіе, начали помышлять, чтобъ православная вѣра до конца не разорилась; а Димитрій для суда надъ Шуйскими созвалъ соборъ не только изъ бояръ, но изъ простыхъ; и никто на этомъ соборѣ не пособствовалъ сторонѣ Шуйскихъ. Въ варіантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь—Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли. Въ повѣствованіи, помѣщенномъ въ разныхъ хронографахъ (изд. въ *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн.* № 16), приводится сущность приговора, читаннаго Басмановымъ надъ Шуйскимъ. Изъ него видно, что Василій Шуйскій осужденъ за то, что называлъ царя Григоріемъ Отрепьевымъ. Въ хроникѣ Буссова разсказывается, безъ точнаго указанія времени, что былъ составленъ противъ царя заговоръ и открылось, что Шуйскій глава его. Его вывели на площадь казнить, а потомъ объявили, что царь, по своему милосердію, и этого преступника прощаетъ (Bussov. 40). Маржеретъ говоритъ глухо, что его судили за оскорбленіе величества. Паэрле говоритъ, что Шуйскій разглашалъ въ народѣ, что царь не сынъ царя Ивана, а разстрига (*стр.* 35), Время суда и казни Шуйскаго хронографы наши опредѣляютъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія самозванца въ Москву. День смерти по однимъ варіантамъ назначается 25-го (*Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн.* № 16 и 30), по другимъ 30-го іюня. Левицкій, іезуитъ, бывшій тогда въ Москвѣ, сообщаетъ, что Шуйскій оговаривалъ царя въ оскорбленіи церкви, и указываетъ день казни 10-го іюля (то есть 30-го іюня стараго стиля (Ciampi Notizie 182). Вообще видно, что это событіе произошло тотчасъ послѣ прибытія Димитрія въ Москву. По извѣстію «Сказанія еже содѣяся» (напечатаннаго въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и древн.* № 9, 1847 г.), Шуйскій разглашалъ въ народѣ чрезъ своихъ агентовъ, торговаго человѣка Ѳедора Конева съ товарищи, что усѣвшійся на престолѣ не настоящій Димитрій, а

воръ, растрига Гришка, присланный отъ короля польскаго разорить христіанскую вѣру (стр. 17). Это послѣднее Сказаніе, согласно хронографамъ, Лавицкому и Паэрле, полагаетъ событіе совершившимся въ первыхъ дняхъ по воцареніи самозванца. Мы не знаемъ доводовъ, какіе тогда представлялись съ обѣихъ сторонъ; не знаемъ: доказывалъ ли на соборѣ Шуйскій, что царь самозванецъ, и не доказалъ этого, или же онъ оправдывался и запирался въ томъ, что говорилъ, будто царь Гришка Отрепьевъ, и былъ уличенъ; но еслибъ онъ стоялъ твердо на томъ, что царь—Гришка, то не могъ бы ужъ никакъ возвратиться въ милость царя. Впослѣдствіи, мы знаемъ, что онъ притворялся и признавалъ царя сыномъ Ивана Грознаго.

Надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершонъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедимитрій сильно рисковалъ тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуйскаго, никто не изъявилъ подозрѣнія, что царь не Димитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики,—явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Димитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждено и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то значитъ не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, поддерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько польскихъ ротъ, провожавшихъ его; не могли же они защищать его отъ цѣлой націи. Положимъ: прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли иные насильно закрывать себѣ глаза и принуждатъ самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ; теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ?

Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что

въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглецъ Чудовскаго монастыря.

Есть свидѣтельство Авраамія, что Чудовскій игуменъ Пафнутій зналъ прежде Гришку и узналъ его въ царѣ; но не объявилъ этого въ его время. Свидѣтельство очень важное, но оно произнеслось уже тогда, когда самозванца не было на свѣтѣ, когда въ угодность врагамъ его было выгодно чернить всѣми возможными способами этого человѣка. Если Пафнутій не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы обличить разстригу, когда послѣдній былъ въ силѣ и власти, то, конечно, могъ имѣть на столько малодушія, чтобъ говорить про него наобумъ тогда, когда прахъ его развѣяли по вѣтру, а память предали проклятію.

Вотъ все, что во время царствованія Димитрія проглядывало какъ бы обличеніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Въ минуты его убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать: «говори, кто ты таковъ? кто твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе, зачѣмъ спрашивать его? Тогда они бы прямо обличали бы его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: «вотъ я поблагословлю этого польскаго свистуна». Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ считалъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣтельствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ.

По смерти его, Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и о собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны были быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобъ уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, очевидно не-

лѣнныхъ, какъ напримѣръ, попытка объяснить затѣваемый за городомъ турниръ — умысломъ побить всѣхъ бояръ и передать управленіе въ московскомъ государствѣ польскимъ панамъ; но объ его самозванствѣ сказано коротко какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ... *богоотступникъ, еретикъ, розстрига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, омраченьемъ бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей* (А. Э. II, стр. 100). А чѣмъ же это было доказано? Самый способъ его низложенія и смерти какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ именно какъ онъ просилъ: почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую называлъ онъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ! Нѣтъ, они отвлекли народъ, науськали его на поляковъ, сами убили царя скономъ, а потомъ объявляли, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объясняли чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ. Но Шуйскій ошибся въ расчетѣ, какъ часто ошибаются плуты, искусные настолько, чтобы, какъ говорится, подвести механику, но близорукіе для того, чтобъ видѣть послѣдствія.

Народъ любилъ Димитрія и нехотѣлъ знать въ немъ Гришки; народъ со всѣхъ сторонъ протягивалъ руки къ тѣни Димитрія даже и тогда, когда она еще не обозначилась явственно. Шаховской провозгласилъ, что Димитрій спасся, и Московское государство потряслось до основанія. Не помогло Шуйскому даже торжественное открытіе и перенесеніе изъ Углича въ Москву

мощей Димитрія царевича. Среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою, держалъ ее въ осадѣ, а въ Москвѣ ждали только обѣщаннаго царя Димитрія, чтобъ выдать ему Шуйскаго, явилась челобитная Варлаама, того самаго, о которомъ въ окружной грамотѣ патріарха Іова было сказано, что съ нимъ убѣжалъ изъ Москвы Гришка Отрепьевъ. Мы не станемъ ее приводить здѣсь цѣликомъ; всякій можетъ прочитать ее въ *актахъ Археографической Экспедиціи, томъ II, стр. 141* и въ *хроногр.*, помѣщенномъ во *Временникѣ*. Когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носитъ печать истины; но всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составленность:

1) Въ ней говорится, что Гришка спознался съ нимъ и убѣжалъ изъ Москвы въ 1602 году, въ великій постъ. Тогда какъ поляки сообщали, что монахъ, который объявился подъ именемъ Димитрія, уже въ 7109-мъ году (то есть съ сентября 1600 по сентябрь 1601-го года) былъ въ Кіевѣ. Сообразно тому и Маржеретъ говоритъ, что уже въ 1600 году пронесся слухъ о явившемся Димитріѣ. Многія письма Польскихъ пановъ между собою (о чемъ скажемъ ниже) показываютъ, что лицо, назвавшее себя Димитріемъ, должно было явиться въ Польшѣ раньше того, какъ приводитъ Варлаамъ своего Гришку въ Польшу.

2) Варлаамъ разсказываетъ, что, проживши въ Печерскомъ монастырѣ три недѣли, Гришка задумалъ итти ко князю Острожскому. Тогда Варлаамъ извѣщалъ на него архимандриту, чтобъ тотъ удержалъ его; ибо если онъ пойдетъ, то скинетъ съ себя иноческое платье. Но архимандритъ сказалъ ему: «здѣсь земля вольная,—въ какой вѣрѣ кто хочетъ, въ той и пребываетъ.» Послѣ этого самъ Варлаамъ отправился съ Гришкою въ Острогъ. Странно, что Гришка отправился вмѣстѣ съ человѣкомъ, который на него уже доносилъ и наблюдалъ надъ нимъ. Трудно предположить такую неосторожность въ плутѣ, затѣвающемъ важное плутовство.

3) Варлаамъ разсказываетъ далѣе, что Острожскій отослалъ его, Варлаама, и товарища Мисаила Повадина въ Дермянскій монастырь, а Гришка ушелъ въ Гощею (Гощу), гдѣ сталъ учиться полатинѣ. Варлаамъ извѣщалъ на него Острожскому и просилъ взять его изъ Гощи и принудить оставаться въ монашескомъ діаконскомъ чинѣ, но Острожскій отвѣчалъ точно такъ, какъ и Печерскій архимандритъ: «здѣсь земля вольная, — кто какъ хочетъ, въ той вѣрѣ и пребываетъ.» Потомъ весною 1603 года, послѣ пасхи — Гришка пропалъ безвѣсти изъ Гощи. Какъ Гришка жилъ въ Гощѣ и какъ бѣжалъ,—Варлаамъ зналъ объ этомъ только по слухамъ, а уже не какъ очевидецъ. Потомъ, по словамъ Варлаама, Гришка очутился въ Брагинѣ, во дворѣ князя Адама Вишневецкаго, и назвался тамъ царевичемъ Димитріемъ. Изъ Брагина князь Адамъ возилъ его по роднымъ, и повезъ въ Вишневецъ; тамъ Гришка пробылъ лѣто и зиму, а весной 1604 года, послѣ пасхи, Адамъ Вишневецкій повезъ его къ королю. Изъ словъ самого Варлаама видно, что онъ не видалъ Гришки съ лѣта 1602-го года; самъ онъ пребывалъ въ Дермянскомъ монастырѣ, а Гришка въ Гощѣ и у Вишневецкаго; все это онъ могъ писать только по слухамъ и по соображеніямъ. И дѣйствительно, что ни шагъ, то ошибка, показывающая, что челобитную писалъ человѣкъ не бывшій близко къ дѣлу. Мнишекъ, знавшій хорошо все дѣло, на допросѣ, учиненномъ ему въ Москвѣ по убіеніи Димитрія, сказалъ, что Адамъ Вишневецкій, у котораго открылся претендентъ, передалъ его князю Константину Вишневецкому, своему родному брату, и претендентъ жилъ не у Адама, а у Константина, не въ Вишневцѣ, а въ Жаложицахъ, потомъ пріѣхалъ съ нимъ въ Самборъ, а потомъ уже Мнишекъ съ Константиномъ Вишневецкимъ повезли его къ королю въ Краковъ.

4) Варлаамова челобитная разсказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто бы говорилъ Гришка королю. Изъ Кракова претендентъ уѣхалъ въ Самборъ къ Мнишку. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ

подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной. Дѣло въ томъ, что еслибъ тотъ, кто писалъ челобитную, зналъ близко дѣло, то не сдѣлалъ бы такой капитальной ошибки, указавши свиданіе самозванца съ королемъ послѣ пасхи 1604 года, когда оно происходило непремѣнно ранѣе, еще въ 1603 году. Такъ агентъ Борисовъ на границѣ съ Польскою Украиной Кіевскій мѣщанинъ Валковскій-Овсяный, проживавшій съ октября 1603 года въ Черниговѣ, въ донесеніи своемъ Борису Θеодоровичу говоритъ, что *воръ, который прозвался Димитріемъ, былъ уже у короля, и король тотчасъ его отъ себя отослалъ и далъ ему въ Польшѣ помѣстьишко на прожитокъ.* Уже въ концѣ 1603 года Димитрій, успѣвши побывать у короля, дѣятельно сносился съ Запорожцами, а король Сигизмундъ поступалъ очень двулично: поласкавъ немного Димитрія, въ подлинность котораго ни онъ, ни паны не вѣрили, онъ, однако, отъ 12 декабря 1603 года издалъ строгій универсалъ къ украинскимъ старостамъ, чтобъ они не пускали Украинцевъ въ козацкія шайки, которыя собирались для того, чтобъ вести самозванца въ Московщину, и не продавали бы имъ боевыхъ запасовъ. Кіевскій подписокъ Гаврило Круповичъ въ февралѣ 1604 года писалъ такое извѣстіе къ Борисову агенту: «козаки зъ Запорожья послали до того нецноты-господарчика, абы имъ нагороду далъ, а они его на Москву нести подымалися; который имъ то обѣщалъ, же, повѣда, «гды мене до Путивля перенесете, заразъ нагороду каждому дамъ»; и съ тымъ ихъ отправилъ.» Что король видѣлся съ самозванцемъ ранѣе того времени, какъ указываетъ Варлаамъ, и что самозванецъ былъ уже довольно значителенъ въ то время, когда по сказанію Варлаама онъ только что открылся царевичемъ, показываютъ современныя письма короля и пановъ. Напримѣръ, изъ письма отъ короля къ Замойскому отъ 23 марта (Hist. Jana Karol. Chodk. 215) ясно видно, что уже заранѣе прежде этого времени король видѣлъ Димитрія. Еще ранѣе, въ началѣ 1604 года, Чарнковскій писалъ къ королю

о томъ, что въ Украинѣ козаки и всякаго рода украинское гультяйство стремились помогать ему и ворваться въ Московское государство, никакъ не одобрялъ королевскаго намѣренія оказывать ему помощь, доказывалъ необходимость передать дѣло обсужденію сейма. а самого называющаго себя Димитріемъ арестовать для того, чтобъ онъ могъ послужить пугаломъ Борису, залогомъ заключенія съ Московскимъ государствомъ мира на выгоднѣйшихъ условіяхъ (*Письмо изъ книгъ Литовской метрики*, № *53*). Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что въ концѣ 1603 года и началѣ 1604-го самозванецъ находился въ такомъ состояніи, что уже воротился отъ короля и къ нему собирались козаки и разные охотники, вести его на московскій престолъ. Это могло случиться только тогда, когда вѣсть объ немъ могла распространиться повсюду, а для этого нужно было достаточно времени. Но сообразно челобитной Варлаама, самозванецъ въ то время сидѣлъ въ Вишневцѣ и еще не представлялся королю, и слѣдовательно не могъ быть слишкомъ извѣстенъ. Противорѣча въ показаніи времени свидѣтельствамъ, указывающимъ на пребываніе самозванца въ Польшѣ, Варлаамъ противорѣчитъ и тому, что записано въ Розрядныхъ книгахъ о Гришкѣ, будто онъ убѣжалъ въ 1603-мъ году. Странно, какъ въ Москвѣ могли ошибиться о времени бѣгства монаха изъ Москвы, если только считали это бѣгство достойнымъ замѣчанія!

Далѣе Варлаамъ говоритъ, что онъ извѣщалъ королю о томъ, что называющій себя Димитріемъ есть Гришка Отрепьевъ. Король, не повѣривъ ему, отправилъ его къ Гришкѣ въ Самборъ. Тамъ товарища его Якова Пыхачева казнили, а его бросили въ тюрьму. Сендомирскій воевода съ Гришкою отправились въ походъ, а онъ остался въ тюрьмѣ, потомъ уже жена Мнишкова и дочь Марина освободили его. Здѣсь странно то, что Варлаамъ, разставшись съ Гришкою еще въ 1602 году и оставшись въ Дерманскомъ монастырѣ, не говоритъ, какимъ образомъ онъ услѣдилъ, что называвшій себя Димитріемъ былъ Гришка, и какъ очутился въ Краковѣ у короля. Странно и то, почему одного казнили, другого только въ тюрьму заключили,

когда слѣдовало бы казнить Варлаама, ибо Варлаамъ, а не Яковъ, извѣщалъ королю, слѣдовательно Варлаамъ былъ опаснѣе Якова.

Замѣчательно противорѣчіе между челобитною Варлаама и грамотою патріарха Іова. Въ грамотѣ патріаршей Варлаамъ названъ монахомъ Чудовскимъ, а въ челобитной онъ себя самъ называетъ постриженникомъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря. Варлаамъ говоритъ, что Гришка прожилъ въ Кіевѣ всего три недѣли, ушелъ прочь изъ Кіева къ Острожскимъ, и когда онъ уходилъ къ Острожскому, то это считалось удаленіемъ изъ монастыря. А въ грамотѣ Іова, въ показаніи Венедикта,—что Гришка, живя въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, служилъ въ тоже время и у Острожскаго въ Кіевѣ, какъ у Кіевскаго воеводы и чрезъ это не разрывалъ своей связи съ Печерскимъ монастыремъ. Варлаамъ говоритъ, что когда онъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гришка хочетъ уйти къ Острожскому, архимандритъ сказалъ, что здѣсь земля вольная, кто какъ хочетъ, въ такой вѣрѣ тотъ и пребываетъ. А въ показаніи Венедикта говорится, что тотъ же самый архимандритъ посылалъ достать Гришку; тогда онъ ушелъ не къ Острожскому, какъ показываетъ Варлаамъ, а къ Запорожцамъ. Венедиктъ показываетъ, что Гришка убѣжалъ ко князю Адаму Вишневецкому отъ Запорожцевъ. Варлаамъ показываетъ, что онъ туда убѣжалъ изъ Гощи. По грамотѣ патріарха Іова, какой-то чернецъ Пименъ водилъ Гришку съ товарищами черезъ границу; Варлаамъ не знаетъ Пимена, а знаетъ въ этомъ случаѣ иное лицо, какого-то Ивашку-вожа.

Всѣ историки и лѣтописцы, признающіе Димитрія Гришкой, повторяютъ, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка. Уже послѣ смутнаго времени появился рядъ повѣствованій и разсказовъ о приключеніяхъ Гришки Отрепьева. Они одинъ другому противорѣчатъ. Очевидно, Гришка сдѣлался миѳомъ, о немъ ходили сказки и легенды въ различныхъ отмѣнахъ. Достаточно взглянуть на глав-

нѣйшіе изъ этихъ разсказовъ, чтобъ видѣть, какъ они несходны и между собою и съ челобитною Варлаама, и съ патріаршею грамотою.

Вотъ для примѣра разсказъ изъ Никоновской лѣтописи и изъ Лѣтописи о мятежахъ.

Тамъ говорится, что Гришка, до монашества Юрій, былъ родомъ изъ Галича. Отецъ его назывался Богданъ. Онъ отдалъ его учиться грамотѣ. Гришка постригся въ монашество въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ.

Въ сказаніи, занесенномъ въ хронографы, говорится напротивъ, что отца его звали Яковомъ; Юшка остался послѣ отца *младъ зѣло*, и отданъ матерью учиться грамотѣ, и началъ жить въ Москвѣ; тамъ игуменъ Трифонъ, Вятской области, города Хлынова, уговорилъ его постричься въ монашество (*Ин. сказан. о самозв.* 10).

Бояре въ сношеніяхъ съ польскими панами разсказывали (*Дѣла посольск. № 26*), что отца Григорьева Богдана зарѣзалъ Литвинъ въ Нѣмецкой слободѣ, а онъ, Юшка, сынъ его, пошелъ въ холопи и жилъ у Романовыхъ и у князя Черкасскаго, а потомъ заворовался и постригся въ монахи въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ. Далѣе разсказывается, что онъ перешелъ въ Галичскій монастырь Іоанна Предтечи, ходилъ по другимъ монастырямъ, наконецъ билъ челомъ, чтобъ архимандритъ Чудовскій Пафнутій принялъ его въ Чудовъ монастырь, гдѣ жилъ въ монашескомъ званіи дѣдъ Отрепьева Замятня. Пробывъ годъ во дьяконахъ, онъ поступилъ во дворъ къ патріарху для книжнаго письма; но скоро впалъ въ еретичество, и за нѣкія богомерзкія дѣла его хотѣли сослать на смерть въ заточеніе, а онъ ушелъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ, проживалъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и Никольскомъ монастырѣ, и тамъ, по совѣту Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и другихъ пановъ, принялъ на себя имя Димитрія.

Этому оффиціальному извѣстію служила основаніемъ грамота патріарха Іова и его посланіе къ католическому духовенству; но противорѣчія въ этихъ грамотахъ тутъ сглажены и сла-

жены; затѣмъ прибавляется нѣсколько свѣдѣній о постриженіи Гришки.

Въ Никоновской лѣтописи ведутъ Гришку изъ Суздальскаго монастыря не въ Галичь, а на Куксу, потомъ въ Чудовъ монастырь; будучи въ послѣднемъ монастырѣ, онъ сталъ вхожъ къ патріарху, между тѣмъ разспрашивалъ объ убіеніи царевича Димитрія и говорилъ какъ будто на смѣхъ: я царемъ буду въ Москвѣ; старцы смѣялись надъ нимъ и плевали на него; но митрополитъ Іона Ростовскій не поставилъ этого въ шутку, а донесъ патріарху. Патріархъ не придалъ этому значенія; Іона сказалъ царю. Борисъ приказалъ дьяку Смирному-Васильеву послать Гришку въ Соловки подъ крѣпкое начало. Смирной передалъ порученіе дьяку Семейкѣ, а дьякъ Семейка былъ Гришкѣ свой человѣкъ и сталъ укрывать его, и молилъ Смирного, чтобъ не исполнялъ вскорѣ царскаго указа; а тѣмъ временемъ Гришка убѣжалъ.

Такимъ образомъ Никоновская лѣтопись противорѣчитъ важнѣйшей части оффиціальнаго заявленія бояръ. Въ послѣднемъ, какъ и въ грамотѣ патріарха Іова, умыселъ принять на себя имя Димитрія приписывается технямъ поляковъ; а въ Никоновской, напротивъ, говорится, что Гришка возъимѣлъ его еще тогда, когда проживалъ въ Чудовомъ монастырѣ. По оффиціальному заявленію бояръ, Гришка убѣжалъ изъ Москвы прямо въ Литву; по Никоновской лѣтописи, онъ бѣжалъ изъ Москвы въ Галичь на Желѣзной Ворокъ, потомъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, а въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ строитель далъ ему лошадь, и Гришка поѣхалъ на ней въ Брянскъ въ Свинскій монастырь; тутъ онъ сошелся съ Мисаиломъ Повадинымъ и товарищемъ его (Варлаамомъ?) и съ ними отправился въ Новгородъ-Сѣверскій, а изъ Новгородсѣверскаго монастыря, подъ предлогомъ будто ѣдетъ въ Путивль, повернулъ въ Кіевъ. На память игумену Новгородсѣверскому онъ оставилъ записку, гдѣ сообщалъ ему, что онъ царевичъ Димитрій. Здѣсь Никоновская лѣтопись противорѣчитъ и оффиціальному сказанію бояръ, и челобитной Варлаама, по кото-

рымъ Гришка сошелся съ Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Москвѣ, и вовсе не былъ въ Брянскѣ, но прямо ѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій и оттуда прямо въ Кіевъ.

Въ «Иномъ сказаніи» (изъ хронографа) разсказывается еще иначе: поживши въ Чудовѣ, Гришка перешелъ къ Николѣ на Угрѣшу и тамъ впалъ въ еретичество; оттуда ушелъ въ Кострому, изъ Костромы снова пришелъ въ Москву, и оттуда уже убѣжалъ въ Литву, подговоривши съ собой Варлаама и Мисаила.

Въ другихъ хронографныхъ сказаніяхъ разсказывается, что Гришка постригся не въ Суздальскомъ монастырѣ, какъ говорятъ нѣкоторые, а въ монастырѣ Борки, Галичской земли, и оттуда перешелъ въ Чудовъ монастырь, вовсе не бывавши въ Суздальскомъ монастырѣ; въ Чудовѣ монастырѣ вошелъ въ него сатана и обѣщалъ ему царствующій градъ покорити; онъ бѣжалъ въ Кіевъ *(Четыре сказ. о Лжедм. 1863)*.

Въ «Сказаніи еже содѣяся» разсказывается еще иначе, и съ бо́льшими подробностями, чѣмъ гдѣ нибудь. По этому сказанію, Гришка, еще до постриженія, обвиненъ былъ въ преступленіи по тому поводу, что былъ вхожъ въ домъ Черкасскихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Повадинымъ, родомъ изъ Серпейска. Это заставило его, избѣгая опалы, постричься въ Стодольскомъ монастырѣ; потомъ онъ прибылъ въ Чудовъ монастырь, посвященъ во діаконы, вошелъ къ патріарху, а потомъ подобралъ себѣ товарищей Мисаила и Варлаама, дали они взаимную клятву пребывать неразлучно, и ушли въ Свинскій монастырь. Двое товарищей его любили пить, а Гришка ничего не пилъ, и тѣ на него сердились за это. Потомъ всѣ трое ходили по Сѣверской землѣ и собирали милостыню на монастырь. Такимъ образомъ они пришли на Литовскій рубежъ и вошли въ домъ къ одной женщинѣ, и тутъ узнали, что по повелѣнію царя поставлена застава стеречь кого-то, кто убѣжалъ изъ Москвы. Гришка помертвѣлъ отъ страха, спросилъ у женщины дорогу на Черниговъ, и отправился съ товарищами въ Черниговъ. На дорогѣ онъ сознался имъ, что

застава поставлена на него, припомнилъ товарищамъ данную въ Москвѣ клятву, и убѣдилъ ихъ идти съ нимъ въ Кіевъ. Далѣе разсказывается подробно, какъ они пробывали въ домахъ пановъ Воловичей и пана Прокулицкаго, какъ, наконецъ, добрались до Кіева. Сказаніе не говоритъ, долго ли пробывали они въ этомъ городѣ; но изъ Кіева оно ведетъ ихъ въ Острогъ, называемый Острозеполь, ко князю Константину Острожскому; тутъ описывается, какъ встрѣтилъ пришельцевъ этотъ князь, малый ростомъ, съ такою большою бородою, что когда онъ сидѣлъ, то постилалъ платокъ, на которомъ укладывалась его громадная борода. Острожскій, принявъ ихъ у себя, черезъ два мѣсяца отпустилъ въ Печерскій монастырь. Такимъ образомъ, противно челобитной Варлаама, гдѣ они изъ Печерскаго переходятъ въ Острогъ, здѣсь наоборотъ—они изъ Острога ѣдутъ въ Печерскій монастырь. Соскучившись въ Печерскомъ монастырѣ, Гришка убѣжалъ къ Запорожцамъ, вступилъ въ роту Герасима Евангелика, и съ козаками безчинствовалъ около Кіева ради прибытка. Дошла вѣсть до Острожскаго. Князь приказалъ поймать Гришку. Между тѣмъ, погулявши у Запорожцевъ, Гришка опять пришелъ въ монастырь; тутъ его хотѣли задержать; на счастье его, архимандрита не было въ монастырѣ. Гришка смекнулъ, что ему плохо будетъ, и ушелъ въ Самборъ, который неправильно называется имѣніемъ князей Свирскихъ и пановъ Ратомскихъ. Здѣсь у Свирскихъ въ католическомъ монастырѣ Стодольскомъ открывается Гришка въ первый разъ монаху греку Арсенію, что онъ Димитрій царевичъ. Вѣсть о появленіи человѣка, называющаго себя Димитріемъ, дошла до Бориса. Царь послалъ къ Острожскому съ просьбой выдать вора. Сказаніе совсѣмъ иначе представляетъ въ этотъ случаѣ поступокъ Острожскаго, чѣмъ представляли его бояре польскимъ посламъ. Кіевскій воевода отправилъ двоихъ монаховъ, его товарищей, Варлаама и Мисаила для обличенія; но они поклонились Гришкѣ и признали его царевичемъ. Паны Свирскіе извѣстили о явившемся царевичѣ королю. Сигизмундъ отправилъ въ Самборъ провѣдать о Димитріѣ двухъ московскихъ людей, братьевъ Хри-

пуновыхъ, давно уже отъѣхавшихъ въ Литву. Тѣ, увидѣвши Гришку, тотчасъ признали его царевичемъ и увѣряли, будто знали Димитрія въ младенчествѣ. Тогда король пригласилъ его въ Краковъ, и посовѣтовавшись съ панами, обѣщалъ ему помогать, если онъ приметъ католическую вѣру. Гришка отказался. Король призналъ его царскимъ сыномъ, пригласилъ къ себѣ и угощалъ. Разсказъ о свиданіи съ королемъ противорѣчитъ разсказу Чилли, бывшаго свидѣтелемъ этого свиданія. Папа услышалъ о явленіи русскаго царевича въ Польшѣ, сталъ побуждать короля обратить его въ католическую вѣру. Гришка, пробывъ долгое время въ Краковѣ, познакомился съ католическою вѣрою, и наконецъ согласился. Тогда король созвалъ сеймъ (небывалый) въ Лашевѣ и тамъ предалъ дѣло Димитрія разсмотрѣнію. Измѣнники московскіе люди въ польскихъ владѣніяхъ увѣряли всѣхъ, что это истинный царевичъ. Съ этого сейма взялъ Гришку къ себѣ въ Сендомиръ (а не въ Самборъ) Мнишекъ, и у него въ Сендомирѣ Гришка влюбился въ дочь его Марину.

Это сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ, и еще Карамзинъ назвалъ его *баснословнымъ*. Дѣйствительно, подробности о мелочныхъ событіяхъ, которыя могъ знать только очевидецъ, приведеніе разговоровъ, которые знать могъ только участвовавшій въ нихъ или слышавшій ихъ, и самые грубые анахронизмы, показываютъ, что все это составлялось человѣкомъ, жившимъ въ далекѣ отъ описываемаго театра событій. Если по способу изложенія и по множеству невѣжественныхъ анахронизмовъ «Сказаніе еже содѣяся» перещеголяло другія наши лѣтописи въ повѣствованіи о Гришкѣ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія вѣрить другимъ разсказамъ больше, чѣмъ этому. Что ни лѣтопись, то новый разсказъ! Согласить ихъ и сшивать на-обумъ — было бы дѣломъ произвола, слишкомъ противнаго исторической критикѣ. Соглашать разнорѣчія, дополнять одно сказаніе другимъ, можно только тогда, когда есть доказательства, что авторы были поставлены въ такія условія, когда одинъ могъ видѣть то, чего не могъ

видѣть другой, или одинъ долженъ былъ смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ другой. Въ разсказахъ о самозванцѣ нельзя опереться на такой точкѣ зрѣнія: всѣ они смотрятъ на самозванца одинаково враждебно; всѣ писаны были въ Россіи, очевидно, послѣ смутнаго времени. Во всемъ этомъ историческаго можно усмотрѣть только вотъ что: когда появилось въ польскихъ владѣніяхъ лицо, называвшееся Димитріемъ, въ Москвѣ пустились въ догадки — кто бы это былъ, и такъ какъ лицо это явилось прежде въ монашескомъ видѣ, то и стали отыскивать и предполагать—не Гришка ли Отрепьевъ онъ, дѣйствительно бѣжавшій изъ Чудова монастыря; и такъ какъ монастырь этотъ находился на виду у патріарха, то происходившее тамъ прежде могло быть ему извѣстнѣе, чѣмъ происходившее въ другихъ монастыряхъ. Когда же оказалось нужнымъ во что бы то ни стало дать въ глазахъ народа какое-нибудь имя страшному неизвѣстному человѣку, называвшему себя грознымъ именемъ, тогда употребили имя Гришки Отрепьева, тогда подъ этимъ именемъ патріархъ произнесъ проклятіе на самозванца. Какъ слабо на народное чувство подѣйствовала эта выдумка, доказываютъ слова лѣтописца, который сознается, что никто не вѣрилъ ей (*Ин. сказ. о самозв.* 21); проклятіе не дѣйствовало на народъ: всякій шагъ патріарха приписывали Борисову умышленію; народъ пошелъ за Димитріемъ. Въ его царствованіе не было никакой возможности обличить, что онъ Гришка, и когда пришлось низложить и убить его, враги все таки не могли найти никакихъ доказательствъ; оставалось, однако, невольное сомнѣніе, зароненное патріархомъ, и послѣ смерти царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, Шуйскій употреблялъ всѣ усилія, чтобъ очернить его память и утвердить въ народѣ мысль о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ. Долго эти мѣры дѣйствовали слабо. Большинство народа пошло за вторымъ Лжедимитріемъ. Безчинства поляковъ, его союзниковъ, отрезвили Московщину; народъ, не терпя Шуйскаго, собрался около него не ради защиты его, презираемаго Россіею, а за вѣру и независимость земли своей. Называвшій себя Димитріемъ

былъ не первый и не послѣдній. Не онъ одинъ явно обличенъ въ самозванствѣ; являлась куча ложныхъ царевичей: Ѳедоры, Клементіи, Петры, Савеліи, Семены, Василіи, Ерофеи, Гаврилы, Мартины. Всѣ они исчезли безслѣдно. Убитъ второй Димитрій, явился третій, и также убитъ. Понятно, что при такомъ множествѣ ложныхъ царевичей, явно оказавшихся самозванцами, представленіе о спасенномъ чудесно лицѣ царственной крови потеряло въ народѣ окончательно и вѣру и сочувствіе. Тогда не осталось ни у кого сомнѣнія, что и первый Димитрій былъ не настоящій; а такъ-какъ враги давно уже постоянно объявляли его Гришкою, то и утвердилось мнѣніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Воображеніе создавало разныя подробности о немъ. Когда минула эпоха смутъ и Московское государство успокоилось, взялись писать о событіяхъ прошлаго времени, и по письменнымъ памятникамъ и по памяти и по слухамъ; въ писанія вошли разные разсказы о явленіи перваго самозванца, ходившіе изъ устъ въ уста, а въ нихъ имя Гришки, брошенное изначала патріархомъ и Борисомъ, приняло право исторической достовѣрности, перешло во всѣ исторіи, и до сихъ поръ соединяется съ личностію перваго самозванца. Стоитъ только сличить всѣ эти сказанія, чтобъ видѣть въ нихъ господство вымысла и отказать имъ во всякомъ правѣ на авторитетъ.

Между тѣмъ существуютъ прямыя свидѣтельства современниковъ, опровергающія что самозванецъ былъ Гришка. Укажемъ на Маржерета. Онъ говоритъ, что вскорѣ по воцареніи Бориса убѣжалъ изъ Москвы секретарь патріаршій Гришка Отрепьевъ въ Польшу. «Я знаю навѣрное, — говоритъ Маржеретъ, —что тогда убѣжало въ монашескомъ видѣ двое, одинъ Гришка Отрепьевъ, другой безъименный. Борисъ разослалъ гонцовъ ловить ихъ и стеречь всѣ дороги. На границѣ учредили заставы, и три или четыре мѣсяца трудно было ѣздить изъ города въ городъ. Когда называвшій себя Димитріемъ прибылъ въ Московское государство, то привелъ съ собою Гришку Отрепьева. Ему было отъ роду за 35 лѣтъ, тогда-какъ само-

званцу было не болѣе 23 или 24-хъ. Вскорѣ самозванецъ сослалъ Гришку Отрепьева въ Ярославль за пьянство и безпутное поведеніе. Одинъ изъ жившихъ въ Ярославлѣ въ домѣ Англійской компаніи разсказывалъ Маржерету, что когда самозванца убили, то Гришка Отрепьевъ сталъ увѣрять всѣхъ, что убитый вовсе не Гришка, и указывалъ въ доказательство на свою личность. Василій Шуйскій приказалъ его отыскать и неизвѣстно что съ нимъ сдѣлалъ». Маржеретъ—писатель умный, безпристрастный и добросовѣстный. Если у него и есть невѣрности, то развѣ отъ незнанія, а не отъ умышленной лжи. Онъ хотя и остается въ томъ убѣжденіи, что самозванецъ былъ настоящій Димитрій, но убѣжденъ не наобумъ, а приводитъ доказательства, которыя настолько сильны, что должны были убѣдить его въ то время, при естественномъ отдаленіи иностранца отъ условій нашей русской жизни. Пристрастія къ самозванцу въ немъ нѣтъ; онъ не скрываетъ его дурныхъ сторонъ. Весь тонъ его сочиненія побуждаетъ довѣрять ему тамъ, гдѣ онъ выступаетъ какъ очевидецъ или какъ близко знающій то, о чемъ разсказываетъ. Впрочемъ, если нужно свидѣтеля, который бы непремѣнно не признавалъ самозванца Димитріемъ, и за этимъ дѣло не станетъ. Въ хроникѣ Буссова, далеко не такъ умнаго и безпристрастнаго, какимъ былъ Маржеретъ, но тѣмъ не менѣе очевидца событій, притомъ вовсе не расположеннаго считать самозванца настоящимъ царевичемъ, личность его также различается отъ личности Гришки Отрепьева. Буссовъ говоритъ, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ монастыря съ тѣмъ, чтобы отыскать кого-нибудь, кто бы рѣшился назваться Димитріемъ. Въ Поднѣпровскихъ краяхъ онъ нашелъ такого молодца, а самъ отправился къ козакамъ и подстрекалъ ихъ подняться за явившагося Димитрія (*стр.* 19). Такъ и Кобѣржицкій (*стр.* 57), считая самозванца отнюдь не Димитріемъ, а обманщикомъ и пришельцемъ изъ Московіи, не называетъ его Гришкою Отрепьевымъ. Другой польскій историкъ Лубенскій (*стр.* 28), считая его также обманщикомъ, изъявляетъ

сомнѣніе къ тому, чтобъ онъ былъ Гришка Отрепьевъ, какъ москвитяне считаютъ его.

Карамзинъ, Соловьевъ и вообще наши историки, соблазняясь свидѣтельствомъ современниковъ (не имѣвшихъ никакой причины лгать) о различіи Гришки отъ самозванца, думали объяснить это различіе извѣстіемъ, вошедшимъ въ Морозовскую лѣтопись и рукописную «Повѣсть о Борисѣ и Розстригѣ», что Гришка, самъ назвавшись Димитріемъ, нарекъ своимъ именемъ другаго. Но Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пименъ: — умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пименъ былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи (если вѣрить ей въ этомъ); проводивши Гришку Отрепьева до границы Литовской, онъ воротился пазадъ. «Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ» говоритъ, что это былъ Леонидъ, инокъ Крыпецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи, и то единственно для того, чтобъ указать, что онъ замѣнилъ собой настоящаго Гришку. Почему же ни въ патріаршей грамотѣ, ни въ челобитной Варлаама, ни въ одномъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ хронографы и лѣтописи, нѣтъ имени этого Леонида? Не показываетъ ли это, что имени Леонида не осталось даже по преданіямъ въ числѣ спутниковъ самозванца, и выдумано кѣмъ-то уже впослѣдствіи? Да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то, въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепьева, не бывши имъ въ самомъ дѣлѣ, когда объ этомъ говорятъ только два позднѣйшіе источника, да и тѣ разногласятъ между собою?

Есть, однако, разнорѣчіе между Маржеретомъ и Буссовымъ. По Маржерету, самозванецъ, не будучи Гришкою Отрепьевымъ, по видимому бѣжалъ все-таки въ Польшу изъ Москвы; а по Буссову, онъ и произошелъ въ Польшѣ. Но это разнорѣчіе показываетъ только то, что Буссовъ, какъ это видно во многихъ мѣстахъ его хроники, ошибался въ тѣхъ случаяхъ, когда

шла рѣчь о событіяхъ, происходившихъ далеко отъ его сферы и о которыхъ онъ писалъ по слухамъ. Маржеретъ говоритъ сообразнѣе съ истиною и съ большею осторожностью. Онъ выдаетъ за вѣрное, что Гришка Отрепьевъ другое лицо, а не тотъ, который царствовалъ подъ именемъ Димитрія, и указываетъ только, что кромѣ Гришки бѣжалъ еще изъ Москвы кто-то безъименный. Важно то, что Маржеретъ прибавляетъ, что въ его время такъ думали вообще русскіе, то есть отличали царствовавшаго подъ именемъ Димитрія отъ Гришки Разстриги.

Дѣйствительно, самозванецъ бѣжалъ изъ Московской земли; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Всѣ польскіе источники согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ явился изъ Московщины. Мнишекъ въ своемъ допросѣ объявилъ, что онъ явился въ Кіевѣ въ монашескомъ платьѣ, потомъ перешелъ къ Вишневецкимъ и тамъ объявилъ себя царевичемъ. Мнѣніе о томъ, что онъ былъ полякъ, настроенный іезуитами, разбивается въ прахъ отъ слѣдующихъ очевидныхъ доказательствъ:

1) Онъ не твердо зналъ латинскій языкъ (вопреки Вассенбергу, ошибочно говорящему, будто онъ его зналъ хорошо); а это было бы невозможно, еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ.

2) Онъ говорилъ по русски какъ природный великороссіянинъ.

3) Еслибъ онъ былъ воспитанникъ іезуитовъ и даже просто полякъ того времени, то оказывалъ бы гораздо больше рвенія къ католичеству, чѣмъ сколько было въ немъ его видно; ибо хотя онъ и писалъ къ папамъ двусмысленныя увѣренія въ преданности и готовности слѣдовать ихъ наставленіямъ и быть полезнымъ апостольскому престолу (— выраженія, которыя католическое духовенство, по обычаю изъ малаго заключать великое, растолковало совершеннымъ принятіемъ римскокатолической религіи и готовностію вводить ее въ Московскомъ государствѣ); но царствуя на престолѣ подъ именемъ Димитрія, въ теченіи года только и сдѣлалъ для католичества, что до-

пускалъ свободное обращеніе католиковъ наравнѣ съ прочими иновѣрцами, да толковалъ о союзѣ съ западнымъ христіанствомъ противъ турокъ; важнаго же ничего къ осуществленію завѣтныхъ намѣреній папы не дѣлалъ вовсе; даже свою жену обязывалъ поститься по уставамъ православной церкви и причащаться отъ патріарха; а подъ конецъ уже разочаровалъ и папу Павла V и всю католическую пропаганду въ ихъ блестящихъ надеждахъ.

Наконецъ 4), еслибъ онъ былъ полякъ, то московскіе бояре, постоянно говорившіе, что его научили поляки, не преминули бы указывать на это; но видно, что съ перваго взгляда черезъчуръ видно было его великорусское происхожденіе, когда его поспѣшили признать скорѣе своимъ бѣглымъ бродягою, чѣмъ иноземцемъ. Оттого, вѣроятно, и назвали его Гришкою, что онъ явился бѣглецомъ изъ Москвы въ монашескомъ платьѣ, въ какомъ ходилъ дѣйствительный Гришка.

Дѣйствительно ли тотъ безъименный, о которомъ говоритъ Маржеретъ, былъ нашъ самозванецъ? Отвѣтъ на это скажется самъ собою; но прежде нужно изслѣдовать другой вопросъ: Какимъ образомъ спасшимся отъ насильственной смерти выдавалъ себя самозванецъ?

Есть много иностранныхъ разсказовъ о томъ, какъ спасся Димитрій царевичъ отъ подосланныхъ убійцъ. Всѣ они если не есть, то кажутся сокращеніемъ подробной повѣсти объ этомъ, находящейся въ рукоп. Публ. Библ. № 33 и напечатанной Когновицкимъ во второмъ томѣ его Сапѣгъ (Życie Sapiehów) и приписываемой какому-то Товіанскому. Тамъ разсказывается, что спасъ его докторъ Симеонъ, подмѣнивши другимъ мальчикомъ, котораго убійцы, почитая за царевича, зарѣзали ночью соннаго, а настоящій переданъ на сохраненіе князю Мстиславскому. Впослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній, царевичъ поступилъ въ монастырь, желая укрыться отъ преслѣдованій Бориса. Эта повѣсть съ перваго взгляда показываетъ такое же легендарное происхожденіе, какъ и наши затѣйливые разсказы о похожденіяхъ Гришки Отрепьева. Писана она

со слуховъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ Польшѣ и заходившихъ въ Западную Европу. Въ сокращенныхъ видахъ это сказаніе повторяется Пясецкимъ (стр. 221), Гревенбрухомъ (стр. 14), Петрицкимъ (13), Бареццо-ди-Барецци (стр. IV). Но то, что у нихъ разсказывается, точно ли было разсказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ разсказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Разсказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ, и самозванецъ былъ бы черезчуръ неловкій обманщикъ, еслибъ прибѣгнулъ къ такого рода вымысламъ. Такъ, напримѣръ, подлогъ на канунѣ убійства и ночное убійство мальчика, подложеннаго вмѣсто царевича, не сходятся съ обстоятельствами, сопровождавшими убійство настоящаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Убійство это произошло не ночью, а днемъ. Цѣлый городъ въ продолженіи трехъ дней смотрѣлъ на мертвое тѣло царевича и всѣ могли узнавать въ немъ того самаго, который былъ живъ наканунѣ убійства. Справедливо смѣялся надъ этою сказкою великій гетманъ и канцлеръ польскій Янъ Замойскій. «Замыслить убить наслѣдника престола и ошибиться въ убитомъ, — (говорилъ онъ) — да это можно только барана или козла зарѣзать, и не посмотрѣть кого зарѣзали». Притомъ же въ извѣстіи Товіанскаго говорится и то, что докторъ Симеонъ, спасши царевича, сохранилъ его у князя Ивана Мстиславскаго въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства, когда никакого Мстиславскаго тамъ не бывало. Князь Иванъ умеръ въ 1586 году, и никогда не былъ сосланъ въ украинные города. Неужели нарекшій себя Димитріемъ могъ не знать этихъ обстоятельствъ и выдумать такія небылицы, которыя легко могли опровергнуть съ перваго раза, когда были другіе способы гораздо хитрѣе и ловчѣе скрыть обманъ! Всякому читающему эти сказки можетъ придти въ голову: почему бы этому плуту, вмѣсто того чтобъ говорить, что его подмѣнили наканунѣ убійства, не сказать, что его подмѣнили гораздо раньше? *).

---

*) Также точно мы считаемъ чистымъ вымысломъ письмо, приписываемое

Дѣйствительно такой способъ объясненія и былъ въ ходу въ то время. Англичанинъ Смитъ, посѣтившій Россію во время гибели Борисова дома и воцаренія самозванца, объясняетъ тайное спасеніе царевича, безъ сомнѣнія такъ, какъ онъ слышалъ отъ русскихъ. Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора. Его друзья ему сообщали обо всемъ, что дѣлается при дворѣ *); и по этимъ извѣстіямъ Бѣльскій сообразилъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія. Онъ вошелъ въ сношеніе съ его матерью; мальчика подмѣнили, на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Димитріемъ и похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Димитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало впродолженіи трехъ дней всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а между тѣмъ настоящій Димитрій проживалъ въ неизвѣстности **).

Лжедимитрію, къ Борису, находящ. рукописи въ Публ. библ. № 33 и приведенное въ отрывкахъ Соловьевымъ. Это письмо напичкано до такой степени анахронизмами, до такой степени не похоже на слогъ писемъ этого человѣка, что намъ не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подложности. Очень вѣроятно, что Лжедимитрій, вступая въ Московское государство, писалъ къ Борису, исчислялъ всѣ злодѣянія, предлагалъ отречься отъ престола и за то обѣщалъ свое помилованіе, но та польская редакція которая находится въ означенной рукописи, не можетъ считаться подлинною. Во многихъ мѣстахъ совершенная безмыслица, и это вынуждало г. Соловьева приводить ее только въ отрывкахъ.

*) Andrea Shultan (Щелкаловъ) and Andrea Clyskenine being his there instruments that wrought for him.

**) Sir Thomas Smithes Voyage and entertainement in Rushia. London. 1605. стр. 45—46: «Bogdan (knowing the ambitious thirst of Borris to extirpate the race of Evan Vassilewich) took deliberation with the old Empresse (mother to Demetre) for the preservation of the child. And seeing a farre off arrowes aimed at his life, which could very hardly be kept off, it was devised to exchange Demetre for the child of a churchman (in yeares and proportion somewhat resembling him) might live safe though obscure.

This counterfet churchmans sonne being then taken for the lauful

Не смотря на нѣкоторые анахронизмы, неизбѣжные у иностранца, не знающаго ни русскаго языка, ни русской жизни и сообщающаго извѣстія по слухамъ, разсказъ Смита заключаетъ и много вѣрнаго и показываетъ, что разсказчикъ писалъ то, что ему говорили московскіе люди. Это подтверждается еще болѣе, когда мы сопоставимъ извѣстіе англичанина съ другими источниками того времени. Изъ разсказа Смита видно, что Богдана Бѣльскаго считали избавителемъ царевича Димитрія въ младенчествѣ; а Буссовъ и Петрей повѣствуютъ, какъ этотъ самый Богданъ Бѣльскій увѣрялъ народъ, что воцарившійся подъ именемъ Димитрія есть дѣйствительно Димитрій.

Въ тотъ день, когда самозванецъ въѣхалъ въ Кремль, Богданъ Бѣльскій явился на площадь и съ лобнаго мѣста говорилъ народу: «Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Святый Николай чудотворецъ помогалъ ему до сихъ поръ во всѣхъ бѣдахъ его и къ намъ его привелъ. Берегите же его, любите его, почитайте его, служите ему и прямите безъ хитрости, ни на что̀ не прельщаясь.» Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ цѣловалъ крестъ, на которомъ было изображеніе Николая чудотворца (Bussov chronic 36. Petrei 176).

---

prince, was attended on and associated according to his state: with whom one day, another child (that was appointed to bee his play-fellow) disporting themselves, finding faulte that the collor which the supposed Demetre wore about his necke (as the fashion of the countrey his) stood awry, preparing to mende it, with a sharpe knif (provided as seems of purpose) cut his throat.

The report of this arrived presently at court the usurper makes shew of much lamentation yet to salisfiy the people and seat himself faster in his throne the dead body was openly showne three daies to the eyes of all men. Many arguments were drawne to make the world beleewe that Boris sonne sought the death of this his brother in lawes childe, and to weane the peoples loves and hopes they had from him, as first to have it spred abrod, that Demetre was like to prove like his father thats to say a Tyrant because, even in his childhood, he tooke delighte to see hennes and chickens kilde, and to bath his hands in the blood; adde

Сообразно съ выдумкою о ранней подмѣнѣ Димитрія сыномъ священника, и «Василій Ивановичъ Шуйскій передъ низложеніемъ Борисова сына Ѳедора спрошенный народомъ, объяснилъ, что Димитрій избѣжалъ Годуновскаго преслѣдованія, а вмѣсто его убитъ и царски погребенъ священническій сынъ; а настоящій Димитрій идетъ въ Москву и находится въ Тулѣ. Объ этомъ сообщаетъ только Петрей (Chronic. Moscov. 174), но свидѣтельство его имѣетъ, по нашему мнѣнію, всѣ признаки достовѣрности. Многіе говорятъ, что съ прочими боярами Василій Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу въ Тулу. Польскіе паны, въ спорахъ своихъ съ боярами, припоминали, что всѣ бояре, въ томъ числѣ избранный ими царемъ Василій Ивановичъ, кланялись ему въ Тулѣ. Этого не опровергали и не могли опровергнуть бояре. А коль-скоро Шуйскій ѣздилъ кланяться самозванцу, то нѣтъ ничего невозможнаго, если онъ и народу торжественно заявилъ, что этотъ самозванецъ настоящій царь. Не только умѣстно было народу спросить Шуйскаго, но даже неизбѣжно, ибо Шуйскій производилъ слѣдствіе объ убіеніи царевича и лучше чѣмъ кто другой могъ знать: убитъ ли настоящій царевичъ, или нѣтъ? Хитрому Шуйскому въ то время былъ прямой расчетъ объявить такимъ

---

unto this, the poisoning of his nurse, besicles it was forbidden to have him praied for, as the rest of the Emperors children were because hee should be utterly forgotten. To conclude an old over-worne law buried long in forgetfulness was now againe freshly revived, and that was, that the child of a sixt wife was not to inherit (yet the murder beeing acted). Boris the usurper, to blind the eies of the world, and to weare a cunning maske over his owne. Sent a nobleman with divers other, to take strict examination of each particular circumstanse, and to imprison all those that had the gurdiaunce of him, yea to put some of them to tortures and to death, which was done accordingly. But heaven protected the lawfull, to be an instrument for the usurpers confusion. Obscurely lived this wronged prince, the changing of him being made private to none but his own mother, who now living, and to Bodan Belskey; but upon wheele his various fortunes have bin turned (which of necessitye much needs be strange) came not within the rech of our knowledge being there.

образомъ народу, чтобъ погубить Годуновыхъ, въ увѣренности, что самозванецъ недолго продержится на престолѣ, а послѣ него Московскій престолъ останется не занятымъ и взойдетъ на него онъ, какъ старшій изъ князей Рюрикова дома. Не только въ Россіи, но даже въ Польшѣ признавали за нимъ это право. Въ рѣчи Яна Замойскаго, послѣдней въ его жизни, говоренной имъ на сеймѣ, канцлеръ, отвергая подлинность назвавшаго себя Димитріемъ, замѣтилъ, что если нужно Годунова свергнуть какъ похитителя, то Московскій престолъ по праву наслѣдства долженъ достаться князю Шуйскому.

Сообразно этому мнѣнію и Маржеретъ, видѣвшій, какъ мы замѣтили, близко эти обстоятельства, говоритъ: весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе бояре, какъ Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы для избавленія младенца отъ погибели. Спасти же царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, пока разрушатся планы Бориса Ѳедоровича. Сей цѣли они достигли какъ нельзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ; царевичъ воспитывался тайно; по смерти же брата своего Ѳедора, когда избрали царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобъ перейти русскую границу.

На это мнѣніе человѣка, стоявшаго такъ близко къ событіямъ, слѣдуетъ само собою смотрѣть какъ на отголосокъ тѣхъ мнѣній, которыя вращались въ средѣ, гдѣ жилъ онъ. Не посвященный въ тайны боярскія, Маржеретъ слышалъ, что Димитрія спасли бояре, и по догадкамъ могъ называть Нагихъ и Романовыхъ, какъ людей, облагодѣтельствованныхъ Димитріемъ. Но имена эти только приведены для примѣра и какъ поясняющія понятіе о знатнѣйшихъ боярахъ, а не навѣрное, что именно эти бояре, а не другіе, и только эти, а не другіе съ ними, считались виновниками спасенія Димитрія. Для насъ важно то, что и Маржеретъ, подобно Смиту, говоритъ, что царевича подмѣнили задолго до углицкаго убійства.

Въ двухъ грамотахъ самозванца, писанныхъ еще до прибытія въ Москву, глухо и неясно говорится о его спасеніи. Первая такъ выражается (*Акт. Эксп.* II, 89): «измѣнники наши послали насъ великого государя на Углечь, и толикое утѣсненіе нашему царскому величеству дѣлали, что и подданнымъ дѣлити было негодно: присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити; и милосердый Богъ насъ великого государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолѣ даже до лѣтъ возраста нашего въ судбахъ своихъ сохранилъ.» Въ другой, отъ іюня 12, говорится: «Божіимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею сокровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя ему злокозненнаго помысла исполнити, и меня, государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судбахъ своихъ сохранилъ» (ibid., 97).

Эти неясныя фразы, если не подтверждаютъ извѣстія о томъ, что спасеніе царевича приписывали друзьямъ его задолго до убійства, то и не противурѣчатъ ему.

Въ Ростовской лѣтописи разсказывается, что когда самозванецъ открылся Вишневецкому, то показалъ свитокъ, гдѣ было объяснено его спасеніе такъ: «когда повелѣлъ его Борисъ убити, и его Богъ укрылъ, мѣсто его убиша Углицкаго попова сына, а его будто скрыша бояре и дьяки Щелкаловы, по приказу отца его царя Ивана Васильевича, (*рукоп. Археограф. ком.* № 5, *F 13*). Здѣсь также нѣтъ противорѣчія извѣстіямъ Смита и Маржерета.

Въ допросѣ, сдѣланномъ Мнишку по смерти самозванца, Мнишекъ объявилъ, что, пришедши къ Адаму Вишневецкому, самозванецъ показалъ, что Господь Богъ его отъ смерти спасъ помощію доктора, положившаго на мѣсто его иное дитя, которое вмѣсто его въ Угличѣ зарѣзали; а потомъ докторъ отдалъ его на воспитаніе къ одному сыну боярскому, который присовѣтовалъ ему спрятаться между чернецами (Собр. Госуд. гр. и д. II, 294).

По видимому, здѣсь-то и корень всѣхъ нелѣпыхъ разсказовъ о подмѣнѣ Симеономъ Димитрія. Но собственно это мѣсто двусмысленно. Можно дѣйствительно понимать и такъ, что докторъ подложилъ вмѣсто царевича другого предъ убійствомъ; но можно понимать и такъ, что онъ сдѣлалъ этотъ подмѣнъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, однако, видно, что въ разсказѣ о спасеніи своемъ самозванецъ говорилъ въ Польшѣ о какомъ-то докторѣ; но замѣчательно, что по этому извѣстію докторъ отдалъ его не Ивану Мстиславскому, какъ говорится въ сказаніи Товіанскаго, а какому-то сыну боярскому.

Такимъ образомъ ничто здѣсь собственно не противорѣчитъ извѣстію Смита, показывающему, что спасеніе Димитрія приписывали Богдану Бѣльскому и его друзьямъ ранѣе убійства, совершеннаго въ Угличѣ, подкрѣпляемому свидѣтельствами Буссова и Петрея, сообщающими, что Бѣльскій увѣрялъ народъ крестнымъ цѣлованіемъ, что пришедшій въ Москву есть истинный Димитрій, и, наконецъ, сообразному съ мнѣніемъ Маржерета, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній извѣстнаго круга людей въ то время.

Если вопросъ ставить такимъ образомъ, что спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіе партіи ненавидѣвшей Бориса, и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. По извѣстію Маржерета, слухъ о Димитріѣ возникъ въ 1600 году, именно около того времени, когда Поляки указываютъ время прибытія его въ Кіевъ, въ 7109 году (съ сентября 1600 по сентябрь 1601 года). Съ этихъ поръ, говоритъ Маржеретъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками (tourmenter et gehenner). Рабъ, обвиняющій своего господина, хотя бы и ложно, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе, а господина или его главнаго служителя подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не слыхали и не вида-

ли. Димитріеву мать вывели изъ монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ родовъ спаслись отъ подозрѣній тирана, котораго прежде считали милосердымъ государемъ, ибо во все время своего царствованія до появленія Димитрія онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, исключая воровъ». (Estat de l'empire de Moscovie Paris, MDCLXIX, стр. 110).

Извѣстіе современника—чрезвычайно важное. Указываемое имъ время совпадаетъ дѣйствительно съ эпохою гоненій и преслѣдованій знатныхъ фамилій. Борисъ сдѣлался подозрителенъ, хотѣлъ все знать, говоритъ нашъ лѣтописецъ (*Лѣтоп. о мятежахъ, стр. 54, Никоновская, 14*), и началъ награждать холопей боярскихъ за доносы. Началось съ Воинка, холопа князя Ѳедора Шестунова, который донесъ на своего боярина. Царь публично на площади приказалъ объявить ему похвалу и наградить помѣстьемъ. Съ его легкой руки и начались доносы холопей на бояръ; за доносами пытки, ссылки, заточенія, казни. «Жены на мужей своихъ доводиша, а дѣти на отцовъ, якоже отъ такія ужасти мужіе отъ женъ своихъ таяхуся; и въ тѣхъ окаянныхъ доводѣхъ многія крови пролишася неповинныя и многіе отъ пытокъ помроша: иныхъ казняху, иныхъ по темницахъ разсылаху и домы ихъ разоряху; ни при которомъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видѣ!».

Эта ужасная картина, сходная съ изображеніемъ Маржерета, поясняется послѣднимъ. Царь хотѣлъ все знать,—говорятъ наши лѣтописцы. Маржеретъ поясняетъ, что онъ хотѣлъ знать: его встревожилъ слухъ о Димитріѣ; онъ догадался, вѣроятно, что ему подготовляютъ Димитрія, и хотѣлъ во что бы то ни было отыскать и самаго Димитрія и тѣхъ, кто ему готовитъ его. Тогда постигла печальная участь роды Романовыхъ, Черкаскихъ, Репниныхъ, Сицкихъ, Карповыхъ и множество менѣе знатныхъ, и потому неизвѣстныхъ по именамъ. Тогда же постигла кара и Богдана Бѣльскаго. Этотъ бояринъ въ концѣ царствованія Грознаго былъ его другомъ и самымъ могущественнымъ человѣкомъ. Царь назначилъ его послѣ себя

однимъ изъ пяти правителей государства, по случаю слабоумія Θеодора, и сверхъ того воспитателемъ другого сына—Димитрія. Въ ночь, послѣ того когда Грозный умеръ, Димитрія съ матерью сослали въ Угличь, и удалили его родствениковъ съ матерней стороны, Нагихъ. Говорили, что это было слѣдствіе какихъ-то замысловъ въ пользу Димитрія, руководимыхъ Бѣльскимъ. Враждебные ему бояре взбунтовали московскую чернь и дворянъ, находившихся въ Москвѣ на службѣ. Подъ предводительствомъ рязанцевъ Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, они требовали выдачи Бѣльскаго и обвиняли его, будто онъ извелъ царя Ивана Васильевича и хочетъ извести Θеодора, чтобъ самому править государствомъ. Бѣльскаго сослали въ Нижній Новгородъ. Мятежъ этотъ до того представленъ сбивчиво, что нѣтъ возможности изслѣдовать его поводовъ и побужденій. Въ 1591 году Бѣльскій снова былъ уже въ столицѣ. Ясно, что личность Бѣльскаго была связана съ личностью Димитрія. Понятно, что когда разнесся слухъ, что Димитрій живъ, Годуновъ не могъ не подозрѣвать Бѣльскаго. Поводомъ къ его опалѣ наши лѣтописцы поставляютъ то, что Бѣльскій получилъ порученіе ставить въ Полѣ городъ Борисовъ, и будучи очень богатъ, въ короткое время на собственныя средства поставилъ его такъ, что онъ имѣлъ подобіе города, Бѣльскій укрѣпилъ его башнями и стѣнами, Бѣльскій поилъ, кормилъ ратныхъ людей, давалъ имъ деньги, платье и запасы, словомъ—привязывалъ къ себѣ, готовился къ какому-то замыслу. Борисъ приказалъ его привезти, раззорить, взявъ у него всѣ вотчины, позорилъ его, поругался надъ нимъ и сослалъ куда-то въ низовые города въ тюрьму. Таже участь постигла и его друзей дворянъ, между которыми лѣтописецъ называетъ Аθанасія Зиновьева. Иностранцы разсказываютъ при этомъ, что Борисъ приказалъ одному своему доктору нѣмцу выщипать у Бѣльскаго бороду, якобы за то, что, будучи въ Борисовѣ, онъ на пиру расхвастался и промолвилъ: «царь Борисъ—въ Москвѣ царь, а я въ Борисовѣ царь». Этотъ разсказъ о бородѣ правдоподобенъ, ибо сходится съ глухимъ извѣстіемъ нашихъ лѣтописцевъ о

томъ, что Борисъ позорилъ Бѣльскаго и поругался надъ нимъ. Если въ комъ, то въ Бѣльскомъ Борисъ дѣйствительно поразилъ своего врага; но Димитрія онъ все таки не доискался. Маржеретъ говоритъ, что вѣсть о Димитріи сдѣлала перемѣну въ образѣ дѣйствія Бориса. И въ русскихъ лѣтописяхъ тиранства Бориса изображаются въ видѣ перемѣны въ его характерѣ. Прежде, когда онъ вступалъ на престолъ, то казался «естествомъ свѣтлодушенъ, нравомъ милостивъ, паче же рещи — нищелюбивъ; отъ него же многіе доброкапленные потоки пріемше, и отъ любодаровитыя его длани въ сытость напитавшеся: всѣмъ бо неоскудно даяніе простираше, не точію ближнимъ, но и страннымъ» (*Степ. кн.*); а потомъ: «да никтоже не похвалится чистъ быти отъ сѣти непріятельственнаго злокозньствія врага, отъ клевещущихъ пѣкія извѣты нечестиваго совѣта пріимаше и сего ради въ ярость суетно прихождаше». Подобнаго проявленія мрачной подозрительности и варварства въ характерѣ нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Борисъ, вообще опасавшійся за свою корону и жизнь, въ это время былъ встревоженъ чѣмъ-то важнымъ, искалъ какой-то тайно грозившей ему опасности, и потому прибѣгалъ къ такимъ суровымъ средствамъ. На это, конечно, могутъ возразить, что наши лѣтописцы, описывая тиранства Бориса, не говорятъ, однако, чтобъ поводомъ къ его свирѣпствамъ было опасеніе Димитрія, и Борисъ, отыскивая тайные замыслы враговъ, не говорилъ, что они хотятъ выдумать противъ него страшилище въ образѣ углицкаго царевича. Но обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что если до Маржерета въ 1600 году доходилъ слухъ о Димитріѣ, то уже безъ сомнѣнія онъ доходилъ до Бориса. А что Борисовы преслѣдованія и гоненія не совершались гласно ради Димитрія, то это въ порядкѣ вещей: Борису имя Димитрія было до такой степени страшно, что онъ не рѣшался и не долженъ былъ рѣшиться прозносить его громко на всю Русь. Это былъ для него только слухъ. Объявить гласно, что онъ боится Димитрія, значило бы рисковать вызвать на свѣтъ этотъ призракъ; тѣмъ болѣе, что самъ Бо-

рисъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Димитрій убитъ: онъ самъ не былъ въ Угличѣ; тѣхъ кто убилъ его, не могъ спросить, ибо ихъ на свѣтѣ не было; а на преданность Шуйскаго, производившаго слѣдствіе, онъ никакъ положиться не могъ. Да еслибъ онъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что въ Угличѣ дѣйствительно совершилось убійство дитяти, которое считалось царевичемъ, то кто могъ поручиться ему, что проникая его козни, заранѣе не подмѣнили Димитрія, что не случилось именно то, чѣмъ морочили народъ во время самозванца. Какъ тиранъ подозрительный, но вмѣстѣ осторожный, Борисъ старательно укрывалъ—какого рода измѣны и замысловъ онъ ищетъ; онъ только преслѣдовалъ тѣхъ, кого, по своимъ соображеніямъ, считалъ себѣ врагами, чтобъ случайно напасть на слѣдъ искомаго. Для этого-то онъ и употреблялъ холоповъ, надѣясь такимъ путемъ знать всю подноготную того, что происходитъ въ подозрительныхъ для него домахъ. Ему не удалось. Многихъ онъ перемучилъ, перессылалъ, переморилъ; а тотъ, кого ему подготовили враги, успѣлъ уйти и надѣлать кутерьмы. Замѣчательно извѣстіе Маржерета, что когда ушло двое, Гришка Отрепьевъ, а другой безъименный, то Борисъ приказалъ поставить заставы по границѣ и не пропускать никого даже съ проѣзжими памятьми. Не ясное ли дѣло, что Борисъ уже зналъ о Димитріи. Не ради же Гришки Отрепьева были поставлены эти заставы! Ни патріархъ въ своемъ окружномъ посланіи и въ своихъ письмахъ, ни Борисъ въ своей грамотѣ къ польскому королю о выдачѣ вора, не говорили, чтобъ Гришка Отрепьевъ еще прежде заявлялъ намѣреніе назваться царевичемъ; бояре въ своихъ отвѣтахъ польскимъ посламъ тоже этого не говорили. Московское правительство постоянно твердило, что вора научили въ Польшѣ назваться Димитріемъ. Невозможно, чтобъ ради Гришки Отрепьева или какихъ бы то ни было подобнаго рода бѣглецовъ были поставлены такія крѣпкія заставы; изъ Московскаго государства бѣгало очень много дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Литву, и однако не ставили ради ихъ такихъ заставъ, чтобъ не пропускать никого даже съ проѣзжими па-

мятьми; это умѣстно только тогда, когда ожидаютъ побѣга какого-нибудь лица, которое, убѣжавши въ чужую землю, можетъ принести вредъ государству, изъ котораго вышло, и притомъ такого лица, которое убѣжало подъ чужимъ именемъ. Такимъ важнымъ и опаснымъ для державы Бориса лицомъ и былъ въ то время Димитрій, о которомъ слухи уже носились, по свидѣтельству современника и очевидца событій. Безъ сомнѣнія, Борисъ слышалъ о Димитріѣ,—быть можетъ, зналъ навѣрное, что есть уже такое подготовленное лицо и готовится убѣжать въ Польшу; но гдѣ оно, какое имя носитъ, это было ему неизвѣстно, и потому онъ приказывалъ останавливать встрѣчнаго и поперечнаго. Когда, наконецъ, разнеслась вѣсть о томъ, что Димитрій открылся, Борисъ, патріархъ и всѣ ихъ клевреты—стали соображать и догадываться, кто бы это былъ изъ бѣжавшихъ; напали на имя Гришки Отрепьева, монаха, дѣйствительно бѣжавшаго изъ Чудова монастыря, стали подозрѣвать въ немъ Димитрія, а когда пришла необходимость увѣрить народъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія вовсе не Димитрій, и назвать вора другимъ именемъ, то и употребили Гришкино имя. Когда же именно бѣжалъ этотъ Гришка, объ этомъ представляется, какъ мы видѣли, разнорѣчіе. Въ выпискѣ изъ Розряда говорится, что онъ убѣжалъ въ 111 году, а въ челобитной Варлаама по одному списку въ 110-мъ, по другому—въ 111 году; въ патріаршей грамотѣ не говорится, когда именно случилось бѣгство. По смыслу Маржеретова сказанія выходитъ, какъ будто Гришка бѣжалъ изъ Москвы разомъ съ тѣмъ, кто назывался Димитріемъ, слѣдовательно — въ 1600 году. Для насъ собственно это не важно, а челобитная Варлаама явно невѣрная вещь, уже и потому что Варлаамъ разсказываетъ, что онъ познакомился съ Гришкою на улицѣ передъ своимъ уходомъ изъ Москвы, тогда какъ въ патріаршей грамотѣ этотъ Варлаамъ называется монахомъ Чудова монастыря, слѣдовательно долженъ былъ знать Гришку, какъ жившаго съ нимъ въ одномъ монастырѣ. Если вѣрить Розрядной выпискѣ, то Гришка ушелъ въ концѣ 1602 или

въ первой половинѣ 1603 года, и значитъ не разомъ съ Димитріемъ. Можетъ быть въ спискѣ невѣрность, а можетъ быть и Маржеретъ здѣсь невольно впалъ въ ошибку: съ одной стороны онъ зналъ, что слухъ о Димитріѣ былъ въ 1600 году и тогда уже ставили заставы по границѣ, а съ другой, что судьбу Гришки соединяли съ судьбою самозванца, и притомъ Гришка пришелъ вмѣстѣ съ самозванцемъ въ Москву; поэтому Маржеретъ ошибочно могъ отнести ихъ бѣгство изъ Москвы къ одному времени.

На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: «вотъ наконецъ что вышло! я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, — это ваше, ваше дѣло: вы хотите погубить меня!» (Bussov, 27). Какія же лица, кромѣ Бѣльскаго, благопріятствовали дѣлу явленія Димитрія? Сказать положительно невозможно; только однихъ Щелколовыхъ именуетъ самъ претендентъ. Дьякъ Василій Щелкаловъ былъ дѣйствительно въ эпоху казней въ опалѣ и удаленъ отъ дѣлъ; при самозванцѣ былъ въ чести, и, какъ его приверженецъ, подвергся опалѣ при Шуйскомъ. По кое какимъ признакамъ можно было бы еще бросить подозрѣніе на родъ Романовыхъ и ихъ свойственниковъ, на которыхъ и указываетъ Маржеретъ. 1) Романовы пострадали въ то время, когда Борисъ узналъ о Димитріѣ, и безъ сомнѣнія, Борисъ ихъ болѣе всего подозрѣвалъ, ибо на нихъ особенно разъярился; 2) Романовы были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бѣльскимъ, ибо Филаретъ Никитичъ, сосланный въ Сійскій монастырь, отзывался о немъ, какъ о самомъ способнѣйшемъ и достойнѣйшемъ между боярами; 3) Когда самозванецъ шелъ на Бориса, Филаретъ (какъ доносилъ приставъ, который за нимъ присматривалъ) измѣнилъ свой старый образъ поведенія и оказывалъ радость и надежды.

4) Самозванецъ, вступивши на престолъ, облагодѣтельствовалъ въ особенности фамилію Романовыхъ и такъ уважалъ ее, что даже кости умершихъ въ ссылкѣ приказалъ съ честію перевезти въ Москву. Но такіе признаки недостаточны. О Филаретѣ Никитичѣ, напримѣръ, мы знаемъ впослѣдствіи болѣе: онъ жилъ въ лагерѣ Тушинскомъ, именовался московскимъ патріархомъ, именемъ его писались патріаршія грамоты, наконецъ польскіе источники выставляютъ его какъ одного изъ главныхъ предателей Московскаго государства въ руки Сигизмунда послѣ бѣгства Тушинскаго вора. Всѣ обстоятельства слишкомъ очевидны противъ этого человѣка, и однако тотъ, кто наиболѣе долженъ былъ бы обвинять его, какъ восхитившаго патріаршій санъ, патріархъ Гермогенъ не только защищаетъ и оправдываетъ Филарета, но самое пребываніе его въ Тушинскомъ лагерѣ и почести, которыя ему тамъ оказывали, считаетъ за мученичество.

Если Лжедимитрій былъ твореніемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей подорвать его державу и наслѣдіе рода, то былъ ли онъ сознательнымъ, или безсознательнымъ ея орудіемъ? Сознавалъ ли онъ, что онъ плутъ, обманщикъ, или же онъ былъ самъ обольщенъ, обманутъ и вѣрилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ Димитрій?

Нашъ историкъ Соловьевъ полагаетъ послѣднее. «Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры самозванцевъ, начиная со втораго.» (Т. VIII. стр. 2). На это можно бы возразить достоуважаемому историку, что быть можетъ достаточно быть пустымъ вѣтреннымъ лгуномъ, шалуномъ въ родѣ Гоголевскаго Хлестакова. Но такое возраженіе имѣетъ только отчасти смыслъ. Дѣйствительно, чтобъ назваться чужимъ именемъ и поиграть роль знатнаго лица, для этого еще не нужно быть чудовищемъ: такихъ найдется черезчуръ много; но такіе Хлестаковы, по своей природѣ, слишкомъ призрачны и неспособны проводить никакого дѣла, а тѣмъ болѣе бороться съ

препятствіями. Они всегда мелкіе, лѣнивые трусы, пошлыя натуры. Не таковъ былъ Лжедимитрій первый. Это былъ человѣкъ вовсе не дюжинный, напротивъ чрезвычайно способный, пылкій, храбрый и неустрашимый. Непритворный до неосторожности, онъ по своей природѣ менѣе всего былъ способенъ играть долго роль и обманывать. Нѣкоторые поступки и черты его характера удостовѣряютъ въ томъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе:

1) Когда послѣ его прихода въ Москву Шуйскій сталъ разсѣевать про него слухи, что онъ самозванецъ, Димитрій сдѣлалъ поступокъ, невиданный на Руси: онъ отдалъ это дѣло, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословій Русской земли. Къ сожалѣнію, не знаемъ производства этого дѣла; но во всякомъ случаѣ хитрый обманщикъ, который бы чувствовалъ за собою, что его могутъ обличить, не сдѣлалъ бы этого, когда того не требовали обычаи страны. Димитрій, какъ мы уже объясняли, давалъ тогда возможность обличать себя. Всѣ шансы были на сторонѣ враговъ его. Еслибъ Шуйскій и его одномысленники имѣли на своей сторонѣ какія-нибудь доказательства, они бы могли одержать верхъ. Стало быть, царь вполнѣ былъ увѣренъ, что у враговъ нѣтъ доказательствъ, а это возможно единственно тогда, когда царь самъ былъ убѣжденъ, что онъ именно тотъ, за кого себя выдавалъ. При малѣйшемъ сомнѣніи, онъ бы никакъ не могъ на это рѣшиться.

2) Еще болѣе говоритъ въ его пользу то, что онъ простилъ Шуйскаго и тѣмъ приготовилъ себѣ гибель. Будучи обманщикомъ, онъ зналъ бы, конечно, что Шуйскій, производившій слѣдствіе надъ тѣломъ убитаго царевича, Шуйскій, издавна близкій къ тайнамъ правительства, наконецъ Шуйскій, по своему родовому происхожденію считавшій себя и считаемый многими за ближайшаго наслѣдника московскаго престола, въ случаѣ прекращенія царствующаго дома,—Шуйскій ему опаснѣе всѣхъ въ Московскомъ государствѣ. Этотъ врагъ, осужденный не имъ, но голосомъ земли, идетъ на смертную казнь! Еслибъ

Димитрій былъ обманщикъ, онъ бы не могъ простить его: это не въ человѣческой натурѣ. Этого мало,—избавивши отъ казни, Димитрій приблизилъ къ себѣ такого опаснаго человѣка, который разъ уже обличалъ его въ самозванствѣ, приблизилъ не по принужденію обстоятельствъ, а по движенію собственнаго великодушія. Можетъ ли обманщикъ довѣриться тому, кто уже разъ обличалъ его обманъ и всегда имѣетъ возможность обличить его болѣе чѣмъ кто нибудь? По природѣ человѣческой, ничье присутствіе намъ такъ не противно, какъ того, кто видитъ нашу тайну, которую мы упорно желаемъ скрыть. Самый злѣйшій врагъ всякаго лжеца есть тотъ, кто не вѣритъ его лжи. Каково же должно было самозванцу терпѣть постоянное присутствіе Шуйскаго, показавшаго уже разъ, что его не обманули какъ другихъ! Зачѣмъ же этотъ плутъ на престолѣ добровольно устроилъ себѣ такую нравственную пытку, когда сама судьба избавляла его отъ нея?

3) Самозванецъ-обманщикъ всѣми силами долженъ былъ бы поддерживать свой обманъ, не щадить никакихъ средствъ для этого, не останавливаться ни предъ какими жестокостями. Это свойство обмана. Всякая ложь, желающая удержать господство, прибѣгаетъ ко злу. Сознательный обманщикъ на престолѣ принужденъ былъ бы, хотя бы противъ воли, казнить и мучить людей за истину, за невѣріе его обману и за обличеніе этого обмана. Онъ неизбѣжно вошелъ бы во вкусъ къ жестокостямъ и скоро укоренилась бы въ немъ ненависть ко всему правдивому, честному, и сталъ бы онъ отъявленнымъ чудовищемъ. Димитрій продержался почти годъ. Какія жестокости учинилъ онъ? Авраамій Палицынъ и Никоновская лѣтопись говорятъ о казни дворянина Тургенева. Авраамій прибавляетъ еще къ этому Ѳедора Колачника. Но мы уже замѣтили, что эти казни, бывшія, по свидѣтельству Авраамія, еще до суда на Шуйскимъ, должны были происходить еще до прибытія Димитрія въ Москву, и притомъ самъ Авраамій говоритъ, что москвичи ругались надъ казнимыми и кричали, что осужденіе постигло ихъ по дѣломъ. Не показываетъ

ли это, что казни эти возбуждали сочувствіе народа и были такъ или иначе народнымъ дѣломъ. Стрѣльцовъ, обличившихъ его не въ самозванствѣ, а въ нарушеніи вѣры, онъ не казнилъ, а отдалъ на судъ ихъ же братіи, и свои товарищи изрубили ихъ *(Собр. гос. гр. II, 297. Нов. Лѣт. Лѣтоп. о мят. 100)*. Говорятъ еще о дьякѣ Тимоѳеѣ Осиповѣ, который исповѣдавшись, причастившись, пошелъ обличить разстригу и принялъ мученическую смерть *(Авраам. 29)*. Но это событіе произошло въ день смерти Лжедимитрія, какъ указываетъ хронографное описаніе *(Четыре сказанія, 17)*. По сопоставленіи съ хроникою Буссова, дьякъ Осиповъ, который по сказанію хронографа «абіе ту изсѣченъ бысть саблями», есть тотъ самый смѣлый «бояринъ», который, по извѣстію Буссова, прежде чѣмъ нахлынула на дворецъ толпа заговорщиковъ, прибѣжалъ къ Лжедимитрію съ требованіемъ выходить давать отвѣтъ народу, и былъ изрубленъ имъ самимъ (Chron. Buss. 47). Конечно, никто не станетъ укорять за то Лжедимитрія въ томъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Его обвиняютъ въ варварскомъ убійствѣ жены Борисовой и сына его, Ѳеодора. Тутъ (надобно замѣтить) дѣло темное. Наши лѣтописцы стараются всѣми силами очернить разстригу и приписываютъ смерть ихъ его повелѣнію. Но, кажется, едва ли не справедливѣе будетъ сказаніе (если пристрастной къ нѣмцамъ, то безпристрастной къ Димитрію) хроники Буссова (стр. 33), которая повѣствуетъ, что Димитрій выразился тогда совсѣмъ не въ опредѣленномъ смыслѣ повелѣнія убить Годуновыхъ: «я не могу пріѣхать въ столицу, прежде чѣмъ всѣ мои враги до единаго не будутъ оттуда удалены; если уже бо́льшую часть ихъ выпроводили, нужно чтобъ и Ѳеодора съ матерью его тоже не оставалось; тогда я пріѣду, буду вашимъ милосердымъ государемъ». Такъ-какъ въ то время Годуновыхъ и ихъ свойственниковъ вывезли изъ Москвы, то Лжедимитрій хотѣлъ только, чтобъ и семью Годунова тоже выслали. Новые его приверженцы подслужились ему, и удавили сына и мать. Важно здѣсь то, что настоящая причина ихъ смерти была скрыта

отъ народа: объявили, будто царица и сынъ ея отравили себя ядомъ; даже морочили людей, будто Өеодоръ Борисовичъ предъ смертью писалъ письмо къ Димитрію. Въ такомъ видѣ это событіе перешло въ разныя сказанія иностранцевъ. Но еслибъ Лжедимитрій велѣлъ ихъ умертвить, то для чего было ему приказывать умерщвлять ихъ тайно и распространять слухъ, что они отравили себя ядомъ,—слухъ, которому, конечно, рѣдкій изъ русскихъ могъ повѣрить въ то время? Если Лжедимитрій желалъ ихъ лишить жизни, онъ могъ сдѣлать это явно. Положимъ, еще убить царицу казалось бы для всѣхъ жестоко; но за Өеодора никто бы не осудилъ его. Онъ могъ прикрыть убійство личиною правосудія. Вѣдь онъ предлагалъ Өеодору мирно уступить престолъ. Өеодоръ, напротивъ, принялъ на себя званіе царя, принадлежавшее по праву наслѣдства отыскавшемуся Димитрію, воевалъ противъ него; войско, по его повелѣнію, разоряло Сѣверскую область; приверженцы Димитрія были казнимы. Өеодоръ въ глазахъ Димитрія былъ похититель и мятежникъ. Этихъ обстоятельствъ было достаточно въ глазахъ самыхъ некровожадныхъ, чтобъ не считать жестокостью, если Өеодору отрубятъ голову на площади. Для чего жъ было дѣлать безполезное тайное убійство враговъ, когда можно явно раздѣлаться съ этими врагами? Развѣ Шуйскій менѣе былъ ему врагъ, чѣмъ Өеодоръ и царица Марія? Развѣ не великодушно поступилъ онъ съ родственниками Годуновыхъ и ихъ приверженцами, облегчивъ ихъ ссылку, а нѣкоторыхъ допустилъ даже къ должностямъ? По всему вѣроятно, если убійцы Өеодора и Маріи сочли нужнымъ скрывать убійство и распространять вѣсть, будто Марія и сынъ ея отравили себя ядомъ, то скорѣе всего они желали обмануть этимъ самого царя. И кто былъ исполнителемъ этого дѣла? Василій Васильевичъ Голицынъ, одинъ изъ погубившихъ впослѣдствіи Лжедимитрія въ соумышленіи съ Шуйскимъ, одинъ изъ низложившихъ впослѣдствіи Шуйскаго и отдавшихъ его въ руки иноземныхъ враговъ!

4) Чрезвычайно много говоритъ въ пользу Лжедимитрія въ

этомъ случаѣ, отношеніе его къ матери настоящаго Димитрія. По пріѣздѣ своемъ въ Москву, кого послалъ онъ за нею? Михаила Скопина-Шуйскаго, родственника Василія и его братьевъ! Какъ же это, обманщикъ, чувствующій, что онъ не Димитрій, посылаетъ за матерью настоящаго Димитрія, которая должна окончательно рѣшить, сынъ ли онъ ея, или нѣтъ,— посылаетъ человѣка близкаго по крови и по связямъ къ тѣмъ, которыхъ недавно только что осудили за обличенія его въ самозванствѣ! Какъ не вошло къ нему опасеніе, чтобъ такой посолъ не настроилъ въ противномъ для него духѣ женщину, предъ которою онъ долженъ играть сына? Какъ рѣшился обманщикъ, безъ предварительныхъ совѣщаній, вызывать эту женщину? Когда она прибыла въ Москву, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу при многочисленномъ стеченіи народа, бросился ей на шею, какъ къ матери, плакалъ и обнималъ ее, шелъ возлѣ ея кареты; всѣ это видѣли, и никто не сомнѣвался, что онъ сынъ ея. Впослѣдствіи отъ имени Мароы была обнародована грамота, гдѣ разсказывалось, будто Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ въ шатрѣ и грозилъ ей смертнымъ убійствомъ. Это выдумано Шуйскими. Современники, описывающіе это событіе, не видѣли никакого шатра. (*Паэрле*, 34. Bussov, 37. Ciampi Notizie 120. Inno Petricii 83. *Никоновск.* 74). Смертнымъ убійствомъ грозить могла скорѣе она ему, чѣмъ онъ ей. Одного ея слова было достаточно, чтобъ уничтожить его. Стоило Мароѣ, обратясь къ народу, произнесть: это не мой сынъ, это обманщикъ!—ничто бы не спасло его.... Послать за Мароой человѣка изъ враждебной партіи, встрѣчать ее всенародно, изъявлять знаки сыновней любви, не спросивши напередъ: дозволитъ ли она играть такую комедію, — могъ только человѣкъ, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что онъ самъ ея сынъ.

5) Самозванецъ-обманщикъ, безъ сомнѣнія, осторожно показывалъ бы себя людямъ и остерегался, чтобъ его не увидѣли и не узнали прежніе знакомые. Димитрій, напротивъ, велъ себя такъ открыто, какъ ни одинъ изъ царей московскихъ.

Онъ выходилъ пѣшкомъ, въ противность обычаямъ, и принималъ просьбы два раза въ недѣлю самъ лично.

6) Его предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и ѣсть телятину, и все что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознававшаго свое царское происхожденіе, свое право. Если въ чемъ, то именно въ этомъ во всемъ ловкій обманщикъ подчинялся бы окружающей его средѣ.

7) Когда Шуйскій составилъ заговоръ, Поляки провѣдали о существованіи коварныхъ замысловъ; были доносы и отъ Русскихъ, и отъ Нѣмцевъ. Лжедимитрій не хотѣлъ разыскивать, преслѣдовать, и даже приказывалъ наказывать доносчиковъ. Это и помогло заговору созрѣть; тогда-какъ еслибъ онъ, по сдѣланнымъ ему доносамъ, принялъ мѣры, то, по всей вѣроятности, остался бы цѣлъ. Еслибъ царь зналъ за собой обманъ, никакъ бы не пренебрегалъ этимъ. Объяснить такую невнимательность къ доносамъ можно только увѣренностію въ правотѣ своей.

8) Наконецъ, въ послѣднія минуты, когда его разшибеннаго, окровавленнаго принесли во дворецъ и стали допрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ бить, ругаться, онъ говорилъ: «спросите у матери (Hist. Russ. monum. II, 119. Bussow); выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить». Въ этихъ словахъ видна прежняя увѣренность и надежда, что дѣло его и теперь оправдается, если станутъ разбирать его спокойно.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ понимать отношеніе къ нему инокини Марѳы? Притворялась ли она?

Сомнѣваемся, и скорѣе готовы принимать вещи, какъ онѣ представляются сами собою. Марѳа признала Лжедимитрія за сына торжественно, въ виду московскаго народа, признавала его въ теченіе десяти мѣсяцевъ. Когда тѣло убитаго царя во-

локли мимо ея монастыря, ее спрашивали: твой ли это сынъ? Она не отвѣчала: не мой, это обманщикъ! Она отвѣчала загадочно: «спрашивать было меня объ этомъ пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой». (Hist. Russ. monum. II, 119). Это изреченіе, вообще двусмысленное, можно объяснять и такъ, что царица хотѣла этимъ выразить прежнее свое признаніе, но не смѣла слишкомъ явно, и такъ, что она сомнѣвалась и сама себѣ не могла дать отчета: точно ли онъ сынъ ея, или нѣтъ.

Послѣ убійства Лжедимитрія, есть извѣстіе, что Мареа во время перенесенія мощей ея дѣйствительнаго сына всенародно каялась въ томъ, что признавала разстригу своимъ сыномъ, и объявила, что онъ никакъ не былъ сынъ ея, а сынъ ея теперь сопричтенъ къ лику святыхъ. Въ обоихъ показаніяхъ Мареа могла быть искренна. Женщину эту могли увѣрить и въ томъ, и въ другомъ въ различное время. Ей могли сказать (можетъ быть по воцареніи Лжедимитрія, а можетъ быть,— что вѣроятнѣе, и раньше), что ея сына подмѣнили въ младенчествѣ. Конечно, съ перваго раза она должна была недовѣрчиво принять такую вѣсть; но увѣренія людей близкихъ къ дѣлу на нее должны были подѣйствовать. Такова человѣческая слабость, что скоро вѣрится тому, чего желается. Отъ смерти царевича прошло четырнадцать лѣтъ; а отъ того времени, когда царевича могли подмѣнить, до двадцати лѣтъ: событія прошедшія могли стушеваться въ памяти этой страдалицы, запуганной, измученной...... Вся жизнь ея была цѣпью горестей. Супружество съ Иваномъ Грознымъ было тяжелый крестъ, данный ей въ молодости. Она знала, какъ кончали свою блестящую карьеру ея предшественницы, и должна была безпрестанно опасаться, что царственный супругъ вдругъ почувствуетъ къ ней отвращеніе и зашлетъ куда-нибудь въ монастырь, а то еще подъ худой часъ и утопитъ, какъ Долгорукую. Особенно должно было ей казаться страшно, когда Иванъ Грозный, будучи женатъ на ней, искалъ руки Маріи Гастингсъ и на счетъ своей супруги отзывался, что она не

царской крови и слѣдовательно нечего обращать вниманіе на то, что она существуетъ. По смерти Грознаго, ее постигли: ссылка въ Угличь, подозрительныя наблюденія Борисовыхъ клевретовъ, насильственная смерть ея ребенка, потомъ насильное постриженіе, тяжелое заточеніе, гоненіе всего ея рода, безнадежное грустное житье въ одиночествѣ и изгнаніи. Понятно, что не трудно ошалѣть и отупѣть отъ такой жизни существу робкому, неразвитому, какими были русскія женщины по ихъ воспитанію. Легко было такую страдалицу привести въ то неясное душевное состояніе, когда человѣкъ ни вѣритъ, ни не вѣритъ, ему кажется то такъ, то иначе; не достаетъ ума рѣшить въ ту или другую сторону, не достаетъ воли самому опредѣлить свои поступки, и подчиняется онъ умомъ и волею тому, кто имѣетъ надъ нимъ въ данную минуту силу. Мареа могла быть именно въ такомъ неясномъ, неопредѣленномъ душевномъ состояніи: ей говорили, что сынъ ея подмѣненъ и живъ; ея сердцу было пріятно еслибы такъ было, и она поддалась этому обаянію, и мѣшалась въ ней вѣра съ сомнѣніемъ. Когда этотъ сомнительный сынъ встрѣтилъ ее съ признаками неподдѣльной, искренней сыновней любви, когда она увидѣла кругомъ себя безчисленную толпу, которая признаетъ его сыномъ ея, когда притомъ вмѣсто привычной грустной келіи она увидѣла себя въ блескѣ царскаго величія, и на старости лѣтъ отдыхала она отъ долгаго горя, а названный сынъ угождалъ ей, оказывалъ къ ней любовь, уваженіе, каждый день ходилъ къ ней, предъ начатіемъ всякаго важнаго дѣла испрашивалъ ея благословенія; тутъ сомнѣнія стали умолкать въ душѣ ея: неловко и оскорбительно было высказать ихъ ему, когда она сама не считала положительно невозможнымъ, что это сынъ ея; и она свыклась съ вѣрою, что это ея сынъ. Пораженная его внезапнымъ убійствомъ, она произнесла надъ нимъ сомнительный приговоръ: она тутъ гласно сказала то, что у ней было въ душѣ, то есть, ни то, ни сё. Тогда принялись за нее и стали объяснять, что все это былъ обманъ, призракъ, сынъ ея не воскресалъ для

нея; она какъ была, такъ и остается сиротствующей матерью. За то указали ей того сына, котораго она видѣла истекающимъ кровію, ей указали этого сына въ нетлѣнномъ величіи святости. Материнское чувство утѣшилось, слилось съ чувствомъ благочестія, возгордилось славою сына — большею чѣмъ слава царская; прежнія угасшія въ царственномъ величіи сомнѣнія ожили и сдѣлались въ свою очередь вѣрою. И Мареа, обрадовавшись чести быть матерью святого, повторила всенародно слышанное отъ Шуйскаго, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, обольстившій и ее вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ людомъ; а стыдъ своего обмана стала извинять угрозами смертнымъ убійствомъ.

Намъ могутъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Если Лжедимитрій могъ быть человѣкъ увѣренный въ томъ, что онъ истинный царевичъ, и если обольщеніе было такъ хитро ведено, что не было возможности открыть обмана, (ибо народу представили дѣло такъ, что онъ подмѣненъ еще задолго до убійства въ Угличѣ), то, скорѣе, не настоящій ли онъ царевичъ, и не легче ли въ самомъ дѣлѣ было его спасти, чѣмъ сотворить? — Дѣйствительно, мы не считаемъ положительно невозможнымъ и страннымъ, чтобъ малолѣтняго царевича спасли и подмѣнили. Вскорѣ послѣ воцаренія Өеодора Борисъ захватилъ власть и сдѣлался несносенъ для многихъ. Въ 1586 году уже обозначались его стремленія. Тогда онъ низложилъ и, какъ думаютъ, удавилъ Шуйскихъ, заточилъ князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Быкасовыхъ и другихъ; лилась кровь на плахахъ; Діонисія митрополита и Варлаама Крутицкаго архіерея сослали; вмѣсто Діонисія на митрополичій престолъ возвели Іова, преданнаго Борису. Все это сдѣлалось за то, что хотѣли слабоумнаго Өеодора понудить развестись съ сестрою Бориса подъ предлогомъ безплодія, — иначе, этимъ хотѣли лишить Бориса его возникавшаго могущества. Въ это время уже могли догадываться, что Борисъ рано или поздо станетъ мѣтить на престолъ и постарается избавиться отъ важнѣйшаго соперника. Можно было уже соображать, что Борисъ покусится на

жизнь Димитрія, для спасенія себя и своего рода. Борисъ такъ высоко сталъ, что средины для него не было: если Өеодоръ умретъ бездѣтнымъ и ему неудастся быть царемъ, то его ожидала гибель: другая власть не забыла бы той власти, до которой достигалъ онъ. Но по смерти Өеодора долженъ быть царемъ Димитрій. Борису либо Димитрія нужно было свести со свѣта, либо самому дожидаться отъ Димитрія гибели. Ни Димитрій, ни партія Нагихъ не простили бы ему своего изгнанія. И Борисъ долженъ былъ рѣшиться на тайное убійство, для огражденія себя и своего рода отъ бѣды. Разсчитывая такимъ образомъ, легко могла въ то время хитрому Богдану Бѣльскому придти мысль удалить заранѣе Димитрія и спасти этого малютку, котораго отецъ ему поручилъ на попеченіе. Живучи въ ссылкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ конечно имѣлъ такъ много связей на Руси, что могъ черезъ своихъ соумышленниковъ и агентовъ увезти Димитрія изъ Углича, подложить на мѣсто его другого похожаго на него младенца, а настоящаго царевича отдать на воспитаніе въ чужія руки, съ надеждою объявить ему тайну когда нужно будетъ. Хотя представляется съ перваго раза, что въ такомъ случаѣ могли царевича увезти маленькимъ въ Польшу, куда пришлось спровадить его взрослымъ, но можно допустить, что покровители его боялись, чтобъ Сигизмундъ его не выдалъ за выгоды отъ Московскаго правительства. Могли также бояться, чтобъ впослѣдствіи Димитрій не поддался притворно-дружелюбнымъ приглашеніямъ отъ имени слабоумнаго брата и добровольно не возвратился въ Московское государство, какъ случилось съ Марьею Владимировною и ея дочерью, и потому нашли удобнѣйшимъ спасти его укрывъ въ неизвѣстности, отдавши на воспитаніе темному человѣку. Подмѣненнаго убили. Настоящій росъ сыномъ незначительнаго человѣка, пока наконецъ вступилъ въ юношескій возрастъ, и тогда объявили ему кто онъ. У Бориса было много шпіоновъ, и они провѣдали тайну, но не узнали гдѣ царевичъ. Борисъ, чуя противъ себя замыселъ, сталъ какъ звѣрь терзать всѣхъ ко-

го подозрѣвалъ, но не нашелъ Димитрія. Его однако поэтому нельзя было держать въ Московщинѣ, и его спровадили въ Польшу. «Понятно, что для избѣжанія Борисовыхъ шпіо-«новъ всего умѣстнѣе было выпроводить Димитрія изъ предѣ-«ловъ Московскаго государства въ монашескомъ платьѣ, подъ «чужимъ именемъ: чѣмъ незначительнѣе и бѣднѣе человѣкомъ «онъ казался, тѣмъ былъ безопаснѣе.» Димитрій ничего не могъ сказать о себѣ положительно, кромѣ того, что слышалъ, именно — что его спасли бояре, но кто именно, какъ — никто ему не говорилъ этого изъ опасенія какъ бы не довести ихъ до бѣды. Только о дьякахъ Щелкаловыхъ онъ узналъ какъ-то.

Все это, по нашему мнѣнію, возможно: легче было спасти, чѣмъ поддѣлать Димитрія. Но принять это положительно намъ воспрещаютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Еслибъ такъ было, то по воцареніи Димитрія были бы объяснены народу подробности его спасенія, а участвовавшіе въ спасеніи получили бы огромныя награды и благодарность предъ лицемъ всей земли русской.

2) Еслибъ то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія; а то онѣ до того слабы, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ развѣ самыхъ легковѣрныхъ. Люди честные совѣтывали королю не только не принимать его подъ покровительство, но не допускать чтобъ онъ набиралъ себѣ въ королевствѣ толпу для вторженія въ Московскіе предѣлы. Другіе совѣтовали даже арестовать бродягу. Мнишки увлеклись собственнымъ честолюбіемъ: они были неразборчивы въ средствахъ; это доказываетъ ихъ участіе въ дѣлѣ второго самозванца. Адамъ Вишневецкій, «бражникъ и безуменъ», какъ называетъ его современное показаніе, признавшій его прежде всѣхъ царевичемъ, тоже зарекомендовалъ себя также плохо впослѣдствіи, когда вступилъ въ шайку того же второго Лжедимитрія и, зная лучше другихъ въ лицо перваго, безстыдно притворялся, будто находитъ одно и тоже лицо. Тоже можно сказать и о большей части

поляковъ, служившихъ у перваго самозванца и перешедшихъ ко второму. Претедентъ не нашелъ себѣ поддержки собственно въ Польшѣ, а нашелъ ее въ Украинѣ, гдѣ въ то время были готовые элементы для всякаго набѣга, для дѣла смуты и потрясенія государственнаго порядка. Его ратная сила, составленная изъ козаковъ и Украинской шляхты, мало чѣмъ отличавшейся отъ козаковъ по склонности къ буйству и шатанію, была такого же рода, какъ и сила второго Лжедимитрія: это были толпы, готовыя пристать ко всякому бродягѣ, обѣщающему подъ своимъ знаменемъ поживу. Признали его московскіе изгнаники, поселенные въ Польскомъ королевствѣ; но имъ выгодно было признать всякаго такого претендента; ибо въ случаѣ успѣха они могли надѣяться воротиться съ честію въ отечество и найти тамъ хорошее положеніе, а въ противномъ случаѣ—ничѣмъ не рисковали. Наконецъ ласкали его въ Польшѣ католическіе духовные, особенно іезуиты, по обычному стремленію пользоваться всякими—и честными и безчестными—средствами для приведенія къ папской власти страны, не входившей въ систему католическаго міра. Нельзя предположить, чтобъ дѣйствительный царевичъ явился въ чужую землю съ такими слабыми свидѣтельствами своего званія и могъ опираться только на такія стихіи, которыя бы равнымъ образомъ послужили всякому самозванцу-обманщику.

Эти соображенія побуждаютъ насъ признать, что царствовавшій у насъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ не настоящій Димитрій, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Борису. Люди этой партіи настроили пылкаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Димитрій, спасенный въ младенчествѣ по наказу его родителя царя Ивана, и выпроводили его изъ Московскаго государства. Это сдѣлано было на русское авось. Они, конечно, не желали замѣнить Борисовъ родъ навсегда этимъ поддѣльнымъ Димитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Году-

новыхъ съ престола; а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, и уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено. Бориса и рода его не будетъ на престолѣ. А это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезъ чуръ унизительно и для національной чести. Таковы могли быть побужденія и разсчеты у тѣхъ, которые выпустили на свѣтъ самозванца.

На это могутъ возразить, что еслибъ такъ было, то бояре тотчасъ бы приняли сторону Димитрія какъ только онъ появился, тогда какъ мы видѣли, что они служили Годуновымъ, помогали имъ въ борьбѣ съ самозванцемъ девять мѣсяцевъ, и уже послѣ смерти Бориса перешли на сторону Димитрія. Это объясняется слѣдующимъ: 1) Главные виновники явленія самозванца были или истреблены Борисомъ и находились или въ могилѣ, или въ изгнаніи; 2) Другіе, если нетерпѣли Бориса и готовы были пристать къ Димитрію, не смѣли на это отважиться, потому что не ручались, что за собой потянутъ народную громаду, и выжидали времени, пока имя Димитрія охватитъ народное воображеніе своею обаятельною силою. Наконецъ, 3) Борисъ, пока былъ живъ, удерживалъ повиновеніе къ себѣ тою нравственною силою, какую имѣетъ надъ окружающею средою человѣкъ съ сильною волею. Его не стало — и родъ его слетѣлъ съ престола. Сила обстоятельствъ совершила то, чего хотѣли. Димитрій уничтожилъ Годуновыхъ, и самъ исчезъ какъ призракъ, открывъ за собою страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московскаго государства.

На основаніи всего здѣсь изложеннаго мы принимаемъ слѣдующіе выводы:

1) Мнѣніе, что первый назвавшій себя Димитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и тоже лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.

2) Появленіе Димитрія относится къ 7109 году, то есть къ 1600—1601 годамъ.

3) Эпоха казней, пытокъ и ссылокъ въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

4) Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи.

5) Димитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе.

6) Признаніе его сыномъ со стороны матери настоящаго царевича Димитрія было искренно и легко объясняется душевнымъ состояніемъ этой женщины.

7) Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедимитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ.